

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

6

1 9 6 4

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Сажкизинчи йил наشري

6

1964

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
ТОШКЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восьмой

6

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. О. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*),
акад АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР
К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯ-
МОВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор
филол. наук Г. А. АБДУРАХМАНОВ, доктор ист. наук
А. Х. БАБАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖА-
МАЛОВ, доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд.
ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. К. ВА-
ЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. искусствоведения Ф. М. КА-
РОМАТОВ, канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос.
наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв.
секретарь*).

К 40-ЛЕТИЮ УЗБЕКСКОЙ ССР И КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА

Г. Р. РИЗАЕВ

РАЗВИТИЕ ИРРИГАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Коммунистическая партия и Советское государство всегда придавали и придают огромное значение развитию орошаемого земледелия, созданию широкой сети ирригационных сооружений, обеспечивающих получение высоких гарантированных урожаев, неуклонный подъем и интенсификацию всех отраслей сельскохозяйственного производства.

Еще в апреле 1921 г. В. И. Ленин в известном письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» подчеркивал, что «орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»¹.

Это ленинское указание полностью относится и к республикам Средней Азии, в том числе к Узбекистану, где сельское хозяйство издавна базируется на искусственном орошении.

Как известно, в колониальном Туркестане ирригационное хозяйство развивалось очень медленно. За полвека господства царизма в крае было заново орошено лишь 87 тыс. десятин земли. Строительство ирригационных каналов ложилось тяжелым бременем на плечи трудового дехканства; вода, как и земля, служила орудием жестокой эксплуатации широких масс непосредственных производителей. Дехканские хозяйства постоянно испытывали острую нехватку воды для орошения полей.

В годы империалистической, а затем гражданской войны и иностранной военной интервенции орошаемое земледелие, как и другие отрасли народного хозяйства Туркестана, оказалось в крайне тяжелом положении. Значительная часть ирригационных сооружений была разрушена басмаческими бандами или пришла в негодное состояние из-за отсутствия должного ухода и ремонта.

Пропускная способность многих каналов уменьшилась до 50%, что привело к сильному сокращению поливных площадей в Узбекистане. Орошаемые земли в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях сократились с 1 960 262 десятины в 1915 г. до 955 888 десятин в 1920 г.², а площадь хлопковых посевов в целом по Туркестану уменьшилась почти в 5 раз.

Коммунистическая партия и Советское государство проделали огромную работу по мобилизации всех сил советского народа на борьбу с хозяйственной разрухой. В условиях Туркестана особое значение имело восстановление хлопководства. Но для этого надо было прежде

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 297.

² Справочная книжка по хлопководству СССР, М., 1925, стр. 39, 47, 55.

всего восстановить разрушенную в годы войны ирригационную систему. Решение этой важнейшей народнохозяйственной задачи осуществлялось при огромной помощи Центра.

Уже в апреле 1918 г. по предложению В. И. Ленина правительство РСФСР ассигновало 502 млн. руб. на нужды хлопководства и хлопковой промышленности, главным образом на развитие орошения.

При Совнаркоме РСФСР в 1918 г. был создан отдел земельных улучшений, в задачу которого входило, в частности, составление проектов орошения Голодной степи, районов Зеравшана, Сыр-Дарьи и др.

В феврале 1918 г. по инициативе В. И. Ленина СНК РСФСР создал особую комиссию для изучения возможностей проведения ирригационных работ в Туркестанской республике. В. И. Ленин неоднократно заслушивал информации комиссии и давал ей ценные указания.

В мае 1918 г. комиссия закончила свою работу, а 17 мая В. И. Ленин подписал исторический декрет Совнаркома РСФСР «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». Этот документ явился ярким свидетельством ленинской заботы о подъеме производительных сил Советского Туркестана.

Однако начавшаяся вскоре гражданская война помешала выполнению намеченной декретом программы развития земледелия, хлопководства и текстильной промышленности. После окончания гражданской войны, с переходом нашей страны к восстановительному периоду трудящиеся Советского Туркестана под руководством Коммунистической партии, опираясь на огромную помощь русского народа, приступили к выполнению ленинских планов ирригации. В 1922—1925 гг. на развитие орошения в Туркестане из государственных средств было отпущено 30 298 тыс. руб. зол., а стоимость работ, выполненных самим населением, составляла 3727 тыс. руб.

К наиболее крупным ирригационным работам того периода относятся: строительство Кампырватского узла, укрепление берегов магистральных арыков Ферганской области и Зеравшанской системы, сооружение Карадарьинского и Даргомского вододелителей, капитальный ремонт каналов Даргом — Шаудар, Багишамал и др.

В Ферганской долине был построен и капитально отремонтирован ряд ирригационных сооружений на реках Исфайрам, Сох, Андижансай. По Чирчиқ-Ангренской системе были построены сооружения и водосборы Юмалактепе, Бардыкулан, Ташкулан и т. д.

Еще более широкий размах получило ирригационное строительство в Узбекистане после образования Узбекской ССР. Только в 1925—1926 гг. правительство УзССР отпустило на работы по эксплуатации, капитальному ремонту и переустройству ирригационных систем 8 млн. руб.

В 1927 г. был составлен перспективный пятилетний план развития ирригации в УзССР. Успешному осуществлению этого плана способствовало проведение в Узбекистане земельно-водной реформы и землеустройства.

Самым крупным гидротехническим сооружением, построенным в УзССР до начала первой пятилетки, была плотина на Зеравшане, позволившая оросить значительную площадь земель в бассейне этой реки. В Ташкентской области были закончены работы по расширению арыка Джунган; в Фергане осуществлено переустройство водной системы Янгиарыка, улучшено водоснабжение Дальверзинской степи; начаты работы по орошению Голодной степи и т. д.

По данным ЦСУ УзССР, общая площадь орошаемых земель в Узбекистане увеличилась с 1009,8 тыс. десятин в 1923/24 г. (60,7% довоенного уровня) до 1295,9 тыс. десятин (77,9%) в 1926/27 г.

Перспективы дальнейшего развития ирригации и хлопководства в Узбекистане были намечены в Постановлениях ЦК ВКП(б) «О работе парторганизации Узбекистана» (25 мая 1929 г.) и «О работе Главхлопкома» (29 июля 1929 г.), а также в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Узбекской ССР. Растущий объем ирригационных работ в годы первой пятилетки был неразрывно связан со всей системой грандиозных мероприятий по социалистическому преобразованию сельского хозяйства Узбекистана.

В период первой пятилетки было развернуто ирригационное строительство в Дальверзине, на реках Нарын, Джун и др.

С 1929 по 1932 г. Советское государство вложило в ирригацию Узбекистана 234,9 млн. руб. За это время орошаемая площадь республики выросла с 1180 тыс. га до 1516 тыс. га³.

В годы второй пятилетки Советское государство ассигновало на развитие ирригации в Узбекистане 444,1 млн. руб. В республике был создан ряд новых крупных оросительных систем, что способствовало успешному развитию хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, прочно вставшего на рельсы колхозного строя.

Новый, невиданный ранее размах получает ирригационное строительство в Узбекистане в период третьей пятилетки, когда в республике зародилось и развернулось возглавленное партией поистине всенародное движение за ликвидацию маловодья.

Начало массовому народному движению за воду было положено весной 1939 г. строительством канала Ляган. Этот канал (длиной 32 км) был проложен колхозниками Ферганы всего за 17 дней. Замечательный почин ферганцев был широко подхвачен трудящимися всей республики. В Кировском районе Ферганской области методом народной стройки был проведен канал Рават (18 км), в Бухарской области — канал Зандани (19 км), в КК АССР — Майяб (25 км) и т. д.

Обогащенные опытом строительства Ляганского и других каналов колхозники Ферганы решили осуществить давнишнюю мечту населения Ферганской долины — обуздать Сыр-Дарью и оросить ее водами плодородные земли долины.

В мае 1939 г. Пленум ЦК КП(б)Уз вынес специальное решение «О строительстве Большого Ферганского канала», в котором одобрил инициативу народных масс и разработал конкретный план сооружения канала. Правительство выделило для строительства БФК 20 млн. руб., 200 автомашин, 60 тракторов, передвижные электростанции, 15 тыс. м³ леса, большое количество железа и других материалов.

1 августа 1939 г. 160 тыс. строителей вышли на трассу канала. За один день было вынуто 510 248 м³ грунта. Земляные работы общим объемом 16,2 млн. м³ были закончены в 50 дней. Здесь ярко появились великая сила коллективного труда, социалистического соревнования и взаимопомощи.

На стройке работали около 1800 коммунистов и 50 тыс. комсомольцев. Они шли в первых рядах строителей, показывали образцы высокой производительности труда и одновременно вели большую политико-воспитательную работу в массах. Строительство БФК стало школой коммунистического воспитания десятков тысяч трудящихся города и колхозного кишлака.

³ Народно-хозяйственный план УзССР на 1933 г., Ташкент, 1933, стр. 21.

Героический труд строителей был высоко оценен партией и правительством. 1082 лучших строителя были награждены орденами и медалями СССР, в том числе 44 человека удостоены высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Замечательный метод народных строек, столь ярко воплотившийся при создании Большого Ферганского канала, получил широкое распространение как в Узбекистане, так и в других республиках Союза, причем он стал применяться не только в ирригации, но и в строительстве новых дорог и других народнохозяйственных объектов.

Только в 1939 г. по инициативе и силами колхозников в Узбекистане было построено (по неполным данным) свыше 50 ирригационных сооружений (протяженностью 1332 км) с общим объемом земляных работ 25 млн. м³. В результате упорной борьбы узбекского народа за воду в 1938—1939 гг. площадь орошаемых земель в республике увеличилась на 160 тыс. га.

В первой половине 1940 г. методами народной стройки были проложены русла Южного Ферганского (102,5 км), Северного Ферганского (165 км) и Ташкентского (63 км) каналов, позволивших оросить свыше 100 тыс. га новых земель.

Большие работы проводились на строительстве Каттакурганского водохранилища, в создании которого участвовало свыше 100 тыс. колхозников Самаркандской и Бухарской областей. Началась широкая реконструкция ирригационной сети в Хорезме и Каракалпакии; был значительно расширен и углублен магистральный канал им. Кирова в Голодной степи; развернулось строительство Большого Гиссарского канала. Наряду с крупным ирригационным строительством были созданы десятки тысяч колхозных водоемов. В сооружении новых ирригационных объектов в 1940 г. участвовало полмиллиона колхозников Узбекистана, выполнивших 56 млн. м³ земляных работ. Благодаря их самоотверженному труду были освоены и введены в хозяйственный оборот десятки тысяч гектаров земель, использованных для расширения посевов хлопчатника и других культур.

В 1941 г. оросительная сеть республики пополнилась многими новыми водными артериями. 1 мая 1941 г. состоялся торжественный пуск канала им. Ленина в Каракалпакии (129 км), оросившего земли Ходжейлинского и Кунградского районов; было завершено строительство Касансайского водохранилища; вступила в строй Кампырраватская плотина и ряд других водохозяйственных объектов.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало мирный созидательный труд советских людей. Война поставила новые сложнейшие задачи перед народным хозяйством, всеми трудящимися Узбекистана, ставшего одним из могучих arsenалов Советской Армии. Даже в труднейших условиях военного времени не прекращалось ирригационное строительство в Узбекистане, сельское хозяйство которого должно было давать стране все больше продовольствия и промышленного сырья.

Уже в 1941—1942 гг. начало заполняться водой Каттакурганское водохранилище, названное народом «Узбекским морем». В 1941—1943 гг. был построен Северный Ташкентский канал «За Родину», оросивший 53 тыс. га плодородных земель; завершены работы по сооружению Большого Гиссарского канала и многих других гидротехнических объектов.

Крупнейшей новостройкой республики стало сооружение мощной Фархадской ГЭС, имевшей огромное значение не только для электри-

фикации, но и для ирригации Узбекистана. В феврале 1943 г. на трассу обводного канала вышло 61 400 человек. Одновременно началось строительство Саларской, Нижне-Бозсуйской и Ак-Кавакской ГЭС № 2.

К 1944 г. были сданы в эксплуатацию на полную мощность такие крупные ирригационные сооружения, как Северный и Южный Ферганские каналы, Ташкентский и Северный Ташкентский каналы, Ташсакинский канал в Хорезме, канал им. Ленина в Каракалпакии, Дюшамбинка — Каратаг в Сурхандарье, первая очередь Каттакурганского водохранилища (емкость 120 млн. м³), первая очередь Кассансайского водохранилища (емкость 20 млн. м³). Новые капиталовложения в ирригационно-мелиоративное строительство в УзССР составили в 1944 г. 19,8 млн. руб., а в 1945 — 29,3 млн. руб.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны Коммунистическая партия мобилизовала все силы советского народа на быстрое восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны.

В условиях Узбекистана особенно важное значение имело восстановление посевных площадей, прежде всего под хлопчатником, и обеспечение необходимых условий для дальнейшего подъема хлопководства. В этих целях были возобновлены работы по завершению строительства Каттакурганского водохранилища, Большого и Северного Ташкентских каналов, началось сооружение Сарыкурганского узла и других объектов. Благодаря осуществлению крупных ирригационно-мелиоративных работ посевная площадь в республике расширилась с 2392 тыс. га в 1945 г. до 2773,4 тыс. га в 1956 г.

Особенно большие успехи были достигнуты в области ирригации в 1953—1963 гг. — годы великого десятилетия в жизни партии и народа. Со вступлением нашей страны в период борьбы за мощный подъем народного хозяйства и завершение строительства социализма (1953—1958) начинается новый этап и в развитии ирригационного строительства в Узбекистане.

Конкретной программой ирригационного строительства в республике стало Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 9 февраля 1954 г. «О дальнейшем развитии хлопководства в Узбекской ССР в 1954—1958 гг.». Это постановление вытекало из решений исторического сентябрьского Пленума ЦК КПСС, наметившего широкие перспективы крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства СССР. Постановлением партии и правительства предусматривалось расширение площади орошаемых земель в Узбекистане к 1958 г. на 600 тыс. га, в том числе под хлопчатником — на 300 тыс. га.

В республике было развернуто строительство крупных ирригационных объектов — Туябугузского, Куюмазарского, Уртаокайского и Учкызылского водохранилищ и в основном завершено строительство Искиангорского канала. Только в 1953—1955 г. Советское государство отпустило на развитие водного хозяйства в Узбекистане 450 млн. руб.

С 1953 по 1959 г. в Узбекистане было проложено и реконструировано более 2000 км осушительных каналов, улучшено мелиоративное состояние 400 тыс. га пахотных земель. В 1955—1959 гг. в УзССР было освоено свыше 160 тыс. га новых земель.

Еще более широкий размах получило ирригационное строительство в республике в годы текущей семилетки, когда наша страна вступила в период развернутого строительства коммунизма.

Как отмечалось в докладе Ш. Р. Рашидова на состоявшемся в начале 1963 г. VI Пленуме ЦК КПУз, за первые четыре года семилетки

в области ирригации была проделана значительная работа. Так, в Ташкентской области было построено водохранилище на р. Ангрэн, позволившее улучшить водообеспеченность старопахотных земель и ввести в хозяйственный оборот новые площади на левобережье Чирчика и в низовьях Ангрена.

В Ферганской долине были продолжены работы по орошению и освоению целинных земель Центральной Ферганы, машинному и само-течному орошению более мелких земельных массивов и начато строительство Керкидонского водохранилища.

В Зеравшанской долине закончено сооружение Куюмазарского водохранилища, Аму-Каракульского канала, Кермининского гидроузла, Хатырчинского магистрального канала, увеличена емкость Каттакур-ганского водохранилища и т. д.

В Кашкадарьинской долине завершено строительство Чимкур-ганского водохранилища, перестроены оросительные системы нижней и средней Кашкадарьи, начато сооружение Пачкамарского водохрани-лища.

В Сурхандарьинской долине окончено строительство Учкизилского и первой очереди Южносурханского водохранилища.

В Хорезмской области реконструированы Ташсакинская и Клыч-ниязьябская ирригационные системы.

В Каракалпакской АССР осуществлена реконструкция ирригаци-онных систем Кызкеткен и Пахтаарна с расширением площади ороше-ния, а также установлено большое количество насосных станций для повышения водообеспеченности земель.

С 1953 по 1962 г. в республике было освоено 390 тыс. га новых земель и при этом выполнено 670 млн. м³ земляных работ.

VI Пленум ЦК КПУз конкретно наметил основные ирригационные работы, которые должны быть проведены до конца семилетки. Так, в Ташкентской и Сырдарьинской областях должно быть развернуто строительство Чарвакского водохранилища, будет продолжено ороше-ние и освоение новых земель в Голодной степи и в зоне Ташкентского канала.

В Ферганской долине предусмотрено дальнейшее освоение целин-ных земель Центральной Ферганы, создание Кампырватского водо-хранилища, завершение строительства Керкидонского и увеличение емкости Касансайского водохранилища.

В Зеравшанской долине было намечено увеличить емкость Катта-курганского водохранилища и развернуть строительство Аму-Бухар-ского машинного канала.

В Сурхандарьинской области решено было закончить строительст-во Южносурханского, Пачкамарского водохранилищ и Ширабадского канала с насосной станцией.

В Хорезмской области намечено переустройство головного питания Ташсакинского канала с устройством Тюямуюнского подпитывающего канала.

В Каракалпакской АССР предусматривалось строительство Тахи-ташского гидроузла на Аму-Дарье, завершение реконструкции канала Рушан и продолжение работ по орошению и освоению земель, отведен-ных для рисовых совхозов.

В 1963 г. осуществлялись широкие ирригационные работы в Го-лодной степи, Центральной Фергане и других районах республики. Было доведено до проектной мощности (500 млн. м³) Чимкурганское водохранилище, введена в эксплуатацию первая очередь Южносурхан-

ского водохранилища (емкостью 800 млн. м³). В течение года в республике было подготовлено 44 тыс. га новых земель.

Новые широкие перспективы развития ирригации в Узбекистане открываются в свете решений декабрьского (1963) и февральского (1964) Пленумов ЦК КПСС. Февральский Пленум указал, что поливные земли — это большое богатство, золотой фонд нашей Родины.

На состоявшемся в феврале 1964 г. XI Пленуме ЦК КПУз, обсудившем задачи парторганизации Узбекистана по выполнению постановления февральского Пленума ЦК КПСС, подчеркивалось, что ирригация и мелиорация — это верные союзники в борьбе за Большой хлопок и высокие урожаи других сельскохозяйственных культур⁴.

К 1970 г. в УзССР должно быть орошено 1—1,2 млн. га новых земель, и в этих целях предстоит осуществить крупные ирригационные работы. Сейчас уже строятся Чарвакский гидротехнический узел, Кампырватское и Южносурханское водохранилища. В этом году будет начато строительство Ташкентского и Тахнаташского гидроузлов, завершается проектировка Тюямуонского гидроузла. Начаты работы по орошению первой очереди Каршинской степи, а с 1965 г. развернется строительство Каршинского магистрального канала и Кызылаякской плотины, что позволит до 1970 г. подготовить 200 тыс. га орошаемых земель. Ускоренными темпами ведется строительство Аму-Бухарского канала и освоение Голодной степи. Н. С. Хрущев, высоко оценивая героический труд освоителей голодностепской целины, подчеркивал, что «Голодная степь становится краем плодородия и изобилия», и происходящие в ней огромные перемены являются «ярчайшим примером прекрасных результатов революции, социализма, коммунизма»⁵.

Наряду с орошением новых земель большое внимание уделяется повышению водообеспеченности существующих поливных массивов, улучшению их мелиоративного состояния и водопользования. С каждым годом укрепляется материально-техническая база ирригационного строительства, повышается уровень механизации работ, улучшается система организации водного хозяйства, растут кадры ирригаторов республики, развивается научно-исследовательская работа в области ирригации и мелиорации.

Все это создает необходимые предпосылки для успешного выполнения грандиозных планов ирригационного строительства, осуществление которых является одним из важнейших условий дальнейшей интенсификации и крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства.

Г. Р. Ризаев

УЗБЕКИСТОНДА СОВЕТ ҲОКИМИЯТИ ИЛЛАРИДА ИРРИГАЦИЯ ҚУРИЛИШНИНГ РИВОЖЛАНИШИ

Мақола Ўзбекистон ССР ва Ўзбекистон Компартиясининг 40 йиллигига бағишланган бўлиб, унда республикада ирригация қурилишининг муваффақиятлари кўрсатилади. Мақолада КПСС Марказий Комитетининг декабрь (1963) ва февраль (1964) Пленумларининг қарорлари асосида Ўзбекистонда ирригация ишларини янада ривожлантириш вазифаларига алоҳида эътибор берилган.

⁴ См. «Правда Востока», 25 февраля 1964 г.

⁵ Н. С. Хрущев, Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства, т. 7, М., Госполитиздат, 1963, стр. 250.

М. Х. ХАКИМОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма ознаменовало начало нового этапа в развитии национальных отношений в СССР, главной чертой которого является дальнейшее сближение наций и достижение их полного единства. «Строительство материально-технической базы коммунизма, — говорится в Программе КПСС, — ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства»¹.

Усиливается процесс миграции населения, растет многонациональность его состава, особенно в тех республиках и областях, которые богаты природными ресурсами, но обладают относительно невысокой плотностью населения и нуждаются в многочисленной и квалифицированной рабочей силе.

Ныне трудно назвать какую-либо стройку коммунизма, чтобы в ней не участвовали представители десятков социалистических наций, чтобы она не была плодом труда всего советского народа. На Братской ГЭС работают, например, представители более 50 национальностей СССР, в том числе народов Средней Азии и Казахстана. В строительстве Кременчугской ГЭС участвовали трудящиеся 41 национальности, а оборудование для нее поставляли предприятия 12 союзных республик. В создании новых крупных промышленных центров Азербайджана — Сумгаита и Мингечаура — участвовала вся страна.

В Таджикистане на р. Вахш строится самая крупная в Средней Азии Нурекская ГЭС. Проект ее разрабатывался в Ленинграде, Ташкенте и Тбилиси. Турбины для Нурека создаются промышленными предприятиями Российской Федерации и Украины. Гигантский газопровод Бухара—Урал также создан усилиями многих советских республик. Таких примеров можно привести очень много. Творческое сотрудничество советских людей различных национальностей широко распространено на всех участках хозяйственного и культурного строительства.

В соответствии с основными тенденциями в развитии социалистического производства эволюция Советской федерации и образующих ее национальных государств характеризуется ныне следующими диалектически взаимосвязанными основными началами. Это, с одной стороны, всемерное укрепление СССР как государственной формы братского содружества всех социалистических наций и народностей, а с

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 113.

другой, — дальнейшее развитие и расцвет всех форм советской национальной государственности. В условиях советской действительности национальную государственность нельзя рассматривать отдельно от Советской Федерации, точно так же как нельзя себе представить СССР без союзных республик, а единый советский народ — без советских социалистических наций и народностей.

Если основой и носителем национальной советской государственности являются советские социалистические нации, то основой и носителем единого Советского многонационального государства выступает новая историческая межнациональная общность людей — единый советский народ. Подобно тому, как образование и дальнейшее совершенствование этой новой исторической общности людей обеспечивалось и обеспечивается путем всемерного развития и расцвета каждой советской социалистической нации и народности, так и дальнейшее укрепление и развитие единого Советского многонационального государства происходит через всемерное совершенствование всех форм советской национальной государственности.

Советская национальная государственность и Советское многонациональное государство не отделимы по своим задачам и целям. Так, в период строительства и победы социализма Советское многонациональное государство как государственный союз советских наций обеспечило и закрепило завоевания Великого Октября. Именно в рамках этого союза осуществлялось раскрепощение ранее угнетенных народов, ликвидация их фактического неравенства, расцвет их экономики и культуры. Союз Советских Социалистических Республик обеспечил тесное содружество и взаимопомощь советских наций, благодаря чему в исторически короткий срок было ликвидировано фактическое неравенство ранее отсталых народов на основе перехода их к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

В период развернутого строительства коммунизма еще больше возрастает роль Советского многонационального государства. Создание материально-технической базы коммунизма, преобразование социалистических общественных отношений в коммунистические, воспитание нового человека — все эти неразрывно связанные между собой грандиозные задачи требуют всемерного укрепления СССР как государственной формы братского содружества социалистических наций и народностей. Но усиление федеральных начал по руководству хозяйственной, политической и культурной жизнью всего Союза ССР в соответствии с объективными требованиями развития самих социалистических общественных отношений сопровождается постоянным укреплением всех форм советской национальной государственности как важнейшего орудия осуществления задач коммунистического строительства.

Естественно, формы национальной советской государственности будут и впредь постоянно изменяться и совершенствоваться. Соответственно будут развиваться и совершенствоваться и формы Советской Федерации на базе союзных и автономных республик. И подобно тому, как по мере дальнейшего развития и расцвета советских социалистических наций усиливается процесс их все более тесного сближения, так и эволюция форм советской автономии и Федерации будет иметь своим следствием постоянное укрепление и совершенствование федеральных связей и интернационализацию советской национальной государственности.

Эту тенденцию можно наблюдать в развитии как союзных и автономных республик, так и единого Советского многонационального го-

сударства, в том числе их важнейших, государственно-правовых атрибутов.

Взять, например, вопрос о конституциях СССР, союзных и автономных республик. Конституции национальных республик периода перехода к социализму не содержали каких-либо существенных отличий от общесоюзной Конституции в вопросах определения форм общественного и государственного устройства. В действующих ныне конституциях также нет более или менее существенных отличий в принципах построения органов государства, общественных организаций и форм их деятельности между Союзом ССР и союзными и автономными республиками. Для конституций советских социалистических республик с самого начала было характерно полное тождество основных принципов — объявление основных средств производства социалистической собственностью, принадлежность государственной власти рабочим и крестьянам, предоставление демократических прав и свобод трудящимся и т. д.

Нет сомнения в том, что советские конституции периода развернутого строительства коммунизма законодательно закрепят достигнутое единство советского народа и укажут пути дальнейшей интернационализации наших национально-государственных образований. При этом новые конституции национальных республик будут отражать и основные особенности их хозяйства, культуры и быта.

Аналогичный процесс наблюдается и в области обычного законодательства. Как известно, в период перехода к социализму законы национальных республик, в силу сложившихся здесь традиций, существенно отличались от общесоюзного законодательства, например, в вопросах судоустройства и уголовного законодательства, гражданского, трудового и семейного права². С победой социализма и развитием экономики и культуры социалистических наций стали постепенно изживать себя правовые нормы, связанные с прошлыми национально-бытовыми особенностями народов союзных республик³. Общность правовых норм, действующих в союзных республиках, стала особенно очевидной с принятием нового законодательства СССР и союзных республик.

То же самое происходит и в развитии такого атрибута государства, как территория. Согласно действующим конституциям, территория союзных или автономных республик не может быть изменена без согласия самих республик. Это положение, отражающее одно из суверенных прав национальных советских республик, остается неизменным и в современный период. Однако основания и мотивы изменения границ между национальными советскими республиками, т. е. основные тенденции в развитии их территории, ныне существенно меняются.

В период перехода к социализму, совпавшего, например, для народов Советского Востока с периодом их национальной консолидации и образования национальной советской государственности, принадлеж-

² Об этом свидетельствуют, в частности, существование в 20-х годах такого института, как «суд казиев» и «суд биев»; допустимость ссылки на нормы шарната по отдельным категориям имущественных и семейных споров, или некоторые нормы уголовного права, предусматривающие ответственность за бытовые преступления, и т. д.

³ Не случайно, например, из нового Уголовного кодекса Узбекской ССР 1959 г. была исключена гл. 9 УК УзССР 1926 г. «Об ответственности за местные бытовые преступления», поскольку в результате повышения сознательности советских людей ряд преступлений, составлявших пережитки родового быта, почти перестал встречаться в судебной практике. Что касается отдельных пережитков старого быта, преимущественно связанных с неправильным отношением к женщине, то о них говорится в II и V главах нового УК УзССР.

ность территории к тем или иным национально-государственным образованиям определялась по национальному и этническому составу ее населения, а также по принципу ее экономического тяготения. Автономия предоставлялась областям, отличающимся по своему хозяйственному состоянию, национальным и бытовым особенностям. По этим же принципам создавались и развивались национальные союзные республики.

Однако под действием новых факторов, получивших всестороннее развитие в условиях развернутого социалистического строительства и особенно в период перехода к коммунизму, основания и мотивы изменения границ между республиками и областями существенно меняются. К этим факторам относятся постоянное укрепление нерушимой братской дружбы и взаимопомощи между всеми нациями и народностями Советского Союза, растущая тенденция к сближению советских социалистических наций, усиление подвижности населения и рост многонациональности советских республик и областей. В силу этих и других факторов, границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, в чем также выражается интернационализация национальной государственности, укрепление общенациональных, федеральных начал в развитии территориальной организации национальных советских республик и Союза ССР в целом. Одним из многочисленных примеров подобного изменения и развития территории союзных республик является передача в январе 1963 г. из состава Казахской ССР в состав Узбекской ССР 3663 тыс. га пахотных и пастбищных земель в зоне Голодной степи.

При этом важно отметить следующий факт. На переданных Узбекской ССР территориях большинство населения составляют казахи, Следовательно, данные территории тяготеют к Узбекской ССР не по национальному, а по экономическому признаку. Этот дружеский акт был продиктован интернациональными задачами — интересами дальнейшего развития хлопководства, необходимостью приближения руководства к местам и упрощения государственного управления.

Вышеуказанная тенденция в развитии национальной советской государственности и единого Советского многонационального государства подтверждается также эволюцией языковой жизни народов СССР. Как известно, период национальной консолидации и развития советских социалистических наций и их национальной государственности одновременно был периодом возрождения и развития национальных языков, неуклонного и постоянного расширения сферы их применения, роста их общественных функций. В каждой национальной республике в целях создания и развития национальной культуры и национальной государственности, приближения государственного аппарата к местному населению и широкого вовлечения его в управление государством на первый план выдвигалось изучение и широкое применение основного национального языка. В этом состояла одна из закономерностей развития национальных отношений в СССР в период перехода к социализму.

Совершенно иное положение складывается в языковой жизни народов СССР в период развернутого социалистического строительства и особенно в условиях перехода к коммунизму. Теперь развитие национальных отношений в СССР характеризуется расширением межнациональных отношений во всех сферах общественной жизни в соответствии с объективными требованиями развития и преобразования социалистических производственных отношений в коммунистические, усилен-

нием тенденции к сближению наций. Одновременно повышается роль русского языка, ставшего межнациональным языком всех народов Советского Союза.

Таким образом, национальный и межнациональный языки стали играть одинаково важную роль в жизни каждой нации, способствуя тем самым усилению процесса перерастания наций одноязычных в нации двуязычные⁴. Это также является свидетельством интернационализации национальной советской государственности, укрепления общесоюзных начал в организации и деятельности Советского многонационального общенародного государства.

Можно было бы остановиться и на других атрибутах национальной государственности, как например, гражданстве, флаге, гимне и т. п. Но, на наш взгляд, уже рассмотренные моменты достаточно ясно подтверждают вышеприведенный тезис об основных направлениях в развитии советской автономии и федерации на современном этапе коммунистического строительства.

Говоря о диалектике развития Советской федерации и автономии в современный период, надо подчеркнуть и следующий весьма существенный момент. Сейчас в Советах, различных общественных и самодеятельных организациях трудящихся объединено более ста миллионов человек, что является ярким показателем подлинно всенародного характера нашего общественного и государственного строя. Только в Узбекистане действует свыше 34 тыс. самодеятельных организаций, в работе которых участвуют более 376 тыс. человек. Трудно найти такие звенья государственного и общественного аппарата, которые так или иначе не охватывали бы почти все взрослое население, все национальности обслуживаемых ими территорий.

Этот процесс, с одной стороны, демонстрирует общенародный характер нашей демократии, а с другой, — показывает, что все государственные и общественные организации как по своему составу, так и по содержанию своей деятельности становятся все более представительными и многонациональными и что одна из характерных тенденций в развитии советских республик заключается именно в дальнейшем углублении их общенародности, их интернационализации.

* * *

Кардинальная тенденция в развитии национальной советской государственности в современный период — усиление федеральных начал и интернационализации национальной советской государственности — давно уже требует пересмотра сложившихся в специальной литературе понятий о соотношении суверенитета СССР и союзных республик. В связи с образованием межреспубликанских органов в ряде экономических районов страны особую актуальность приобретает вопрос о соотношении суверенитета союзных республик, расположенных в одной экономической зоне.

Между тем, как справедливо отметил проф. М. С. Джунусов, в литературе вопрос об укреплении суверенитета союзных республик все еще рассматривается в отрыве от их возросшего интернационального

⁴ См. Қ. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальных языков в СССР. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 182—189.

долга⁵. Сторонники этой точки зрения только в расширении прав союзных республик видят укрепление их суверенитета⁶. Больше того, отдельные авторы утверждают, будто соблюдение национального суверенитета и охрана границ, установленных между союзными и автономными республиками, являются чуть ли ни одной из главных внутренних задач Советского государства, и что это есть вообще функция, типичная и характерная для социалистического государства⁷. Ясно, что такие утверждения не отражают главных тенденций развития национальной советской государственности, а, наоборот, противоречат им.

В данном случае уместно упомянуть именно об эволюции понятия государственной территории применительно к союзным республикам, находящимся в пределах тех или иных экономических районов. Тут на первый план самой жизнью выдвигается не «охрана границ», а задачи целесообразного развития производительных сил, укрепления высокоэффективных производственных, территориальных связей и соответствующих им организационных форм внутри экономических районов страны. Вообще надо иметь в виду, что как при определении сущности социалистической и буржуазной федерации, так и при раскрытии содержания суверенитета членов этих принципиально противоположных типов союзного государства нельзя пользоваться одними и теми же понятиями и категориями.

Однако некоторые исследователи, говоря о суверенитете советских союзных республик, прежде всего перечисляют все атрибуты государства, которыми они обладают, — наличие собственной конституции и законодательства, отражающих их хозяйственные и национально-бытовые особенности, их систему высших и местных органов власти и управления, территорию, гражданство, флаг, гимн, столицу и т. п. В условиях Советской федерации вышеперечисленные, равно как и другие атрибуты членов федерации, являются реальными, полнокровными и отражают суверенность нации и национальной государственности. Но при всей их значимости эти категории сами по себе не раскрывают богатое содержание суверенитета советских союзных республик, тем более соотношение их суверенитета с суверенитетом СССР.

Определяющие факторы лежат не столько в этих атрибутах государства, сколько в природе и характере самой Советской федерации — в полнейшей добровольности и равноправии ее субъектов — национальных советских союзных республик. Но бесспорно, что суверенитет как свойство государственной власти, означающий ее верховенство, независимость и неделимость в осуществлении задач и функций государства как внутри страны, так и вне ее, в условиях Советской федерации присущ и Союзу ССР и каждой союзной республике.

Другое дело — вопрос о соотношении суверенитета СССР и союзных республик. В Советской федерации он не может разрешаться путем противопоставления суверенитета СССР суверенитету союзных республик, или наоборот. Здесь в равной степени не применимо опре-

⁵ М. С. Джунусов, О диалектике развития национальных отношений в период строительства коммунизма, М., 1963, стр. 22.

⁶ См., напр., Л. М. Стрельцов, Расширение прав союзных республик на современном этапе коммунистического строительства (по материалам Украинской ССР). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юридических наук, Харьков, 1963, стр. 5, 13, 15—16.

⁷ Г. Л. Фурманов, В. И. Ленин о высшем типе государства, М., 1962, стр. 42. Эти и другие теоретические ошибки, имеющиеся в названной книге, подвергнуты справедливой критике в рецензии А. П. Косицина и М. А. Шафира (см. «Вопросы философии», 1963, № 6, стр. 174—176).

деление суверенитета СССР полным, а суверенитета союзных республик неполным, ограниченным⁸. Суверенитет как свойство государственной власти не может быть неполным, ограниченным, и такой метод вообще не применим, в определении соотношения суверенитета СССР и союзных республик.

Методологической основой решения этого вопроса должны являться выдвинутые на XXII съезде КПСС положения о двух взаимосвязанных прогрессивных тенденциях, определяющих развитие национальных отношений в условиях социализма. Раскрывая и обосновывая эти тенденции, Н. С. Хрущев говорил: «Во-первых, происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик. Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение»⁹. То, что ныне развитие национальной советской государственности характеризуется усилением и совершенствованием федеральных начал в определении общегосударственной политики хозяйственного и культурного строительства всех республик и областей и интернационализацией самих национально-государственных образований, — является отражением указанных тенденций в государственно-правовой надстройке нашего общества.

В этих условиях есть все основания утверждать, что вопрос о соотношении суверенитета СССР и союзной республики со дня образования Советской федерации как фактически, так и юридически есть вопрос о единстве суверенитета СССР и союзной республики, с одной стороны, и о различиях в пределах действия и сфере проявления суверенитета СССР и союзной республики, — с другой. При этом основой единства суверенитета СССР и союзных республик является общность их идеологии и программных задач — построение коммунизма, — их общественных и государственных систем, основ законодательства и т. д. Могучей силой, цементирующей это единство, служит Коммунистическая партия Советского Союза, органы которой строятся и функционируют на основе ленинского принципа демократического централизма.

В условиях, когда СССР является подлинным братским сотрудничеством социалистических наций, мы, говоря о верховенстве, независимости и неделимости государственной власти СССР, подразумеваем то же самое относительно государственной власти союзных республик. Точно так же верховенство, независимость и неделимость государственной власти союзной республики выступают как форма проявления суверенитета СССР. Поэтому не случайно нарушение суверенитета союзной республики есть нарушение суверенитета СССР и наоборот, Акт той или иной союзной республики о предоставлении прав гражданства тому или иному лицу означает, что это лицо одновременно становится гражданином любой из 15 союзных республик, равно как и гражданином СССР.

⁸ Формулировка ст. 15 ныне действующей Конституции СССР («Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР», в которой содержится перечень вопросов, относящихся к ведению СССР, не отражает фактического положения вещей. Она по существу исходит из неправильного понимания суверенитета как совокупности государственных властных полномочий, или как суммы прав, необходимых для осуществления компетенции государства.

⁹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, стенографический отчет, т. I, М., Госполитиздат, 1962, стр. 215.

Единство суверенитета СССР и союзных республик не исключает, а наоборот, предполагает различие в пределах действий и сферы проявления между государственной властью СССР и государственной властью союзных республик. Прежде всего носителем суверенитета СССР является советский народ, а носителем суверенитета союзной республики — нация, именем которой она называется, ее население в целом. Государственная власть СССР действует в пределах Союза ССР, а государственная власть союзной республики — на территории последней. Таким образом, верховенство, независимость, неделимость государственной власти СССР и союзных республик осуществляются соответственно на различных территориальных пространствах.

Как указывалось выше, и суверенитет СССР и суверенитет союзной республики, как свойства их государственной власти, являются реальными, полными, неограниченными. Но наряду с этим существует разграничение сферы компетенций между СССР и союзными республиками, основанное на ленинских принципах равноправия и добровольности, разумном сочетании общих и особых интересов СССР и входящих в его состав национальных республик. Организационной формой разрешения данного вопроса является принцип демократического централизма, обеспечивающий единство и централизацию в определении хозяйственной и технической политики в масштабе всей федерации и полную самостоятельность союзных республик в осуществлении оперативного руководства и реализации тех или иных задач с учетом своих национальных, экономических и культурных особенностей. При этом само собой разумеется, сфера компетенции СССР шире, нежели у союзной республики. Аналогично и соотношение сферы компетенции союзной и автономной республики. А различный объем сферы компетенции органов СССР и союзных республик предопределяет различные пределы проявления суверенитета СССР и суверенитета союзных республик. Суверенитет СССР проявляется в осуществлении всех вопросов, отнесенных согласно Конституции СССР к компетенции федеральных органов, а суверенитет союзных республик проявляется в осуществлении всех вопросов, отнесенных к их компетенции согласно Конституции СССР и союзных республик.

В связи с созданием в пределах ряда крупных экономических районов межреспубликанских органов следует остановиться и на характере соотношения суверенитета самих союзных республик, находящихся в одной экономической зоне. Определяющим началом здесь являются не столько сами организационные формы, сколько сущность и характер межнациональных отношений. Новое тут заключается в том, что в соответствии с объективными экономическими законами социализма и в целях рационального развития производительных сил и трудовых ресурсов страны преодолеваются замкнутость и параллелизм в ведении хозяйства в пределах экономического района, в чем в равной мере заинтересованы как сами союзные республики, образующие данный район, так и СССР в целом.

Однако при решении данного вопроса нельзя не учитывать правового статуса органов экономического района, являющихся, как правило, межреспубликанскими, а в отдельных случаях общесоюзными, обладающими в основном планирующими и координирующими функциями. Таким образом, и в том и в другом случаях речь идет не о новых государственных образованиях, а о новых государственных органах, которые работают в тесном контакте с органами союзных республик, оказывая последним помощь в целесообразном и рациональном реше-

нии сложных хозяйственных задач¹⁰. Все это свидетельствует о том, что создание новых органов не повлекло за собой изменений правового статуса союзных республик, не привело к ограничению их прав, а лишь упорядочило хозяйственные взаимоотношения республик, расположенных в одной экономической зоне, облегчило разрешение вопросов, затрагивающих их общие интересы. Следовательно, создание межреспубликанских органов расширило возможности союзных республик квалифицированно решать свои сложные государственные функции, послужило дополнительной гарантией реальности и осуществимости их больших прав и обязанностей.

В этой связи уместно напомнить слова Н. С. Хрущева, сказанные им в беседе с работниками научно-исследовательского института хлопководства в Ташкенте по поводу создания единого среднеазиатского Совнархоза:

«...Кое у кого из местных работников может возникнуть вопрос: а не ограничивают ли, мол, наши права, наш суверенитет?»

Если у кого появится такое сомнение, значит, этот человек не разобрался в обстановке, не достаточно еще зрелый коммунист.

Мы, коммунисты, — строители нового общества. Это — главное, это у нас на первом плане. И если мы действительно коммунисты, то должны находить такие организационные формы, которые позволяют нам наилучшим образом использовать материальные и духовные силы общества, чтобы поднять экономику, науку и культуру»¹¹.

Далее Н. С. Хрущев подчеркнул, что в масштабе Среднеазиатского экономического района следует создать такие межреспубликанские органы, которые не принижали бы роли республик, учитывали бы все их возможности. «Речь идет прежде всего, — продолжал Н. С. Хрущев, — о централизованном планировании, о централизованной разработке научных проблем. Здесь предусматривается двойное управление: Совнархоз будет межреспубликанским, а в республиках должны быть свои какие-то органы, чтобы партийная организация руководила практическими делами и отвечала за них»¹².

Нет сомнения в том, что эффективность результатов осуществления союзными республиками своих прав после объединения их усилий в масштабе единых экономических районов намного повысилась.

К сожалению, у нас имеется еще мало исследований об опыте использования союзными республиками своих прав, особенно расширившихся за период после XX съезда КПСС. Между тем обобщение опыта

¹⁰ Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером. В декабре 1963 г. третья сессия Верховного Совета СССР шестого созыва приняла Закон о государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1964—1965 гг. Здесь плановые задания относительно республик Средней Азии впервые были определены не только по каждой союзной республике, но и по органам всего Среднеазиатского экономического района. Однако это обстоятельство не умаляет планов развития народного хозяйства каждой из союзных республик Средней Азии на указанный период; наоборот, планы Средазсовнархоза и других межреспубликанских органов составлены так, что они полностью отражают особенности развития хозяйства каждой республики. Поэтому в данном случае нельзя говорить об ограничении суверенитета союзных республик, поскольку деятельность вновь образованных органов Среднеазиатского экономического района направлена на дальнейшее, более эффективное и быстрое развитие экономики и культуры и укрепление суверенитета входящих в состав района союзных республик.

¹¹ Н. С. Хрущев, Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства, т. 7, М., Госполитиздат, 1963, стр. 225.

¹² Там же, стр. 229.

деятельности республиканских хозяйственных организаций до и после создания межреспубликанских органов представляет большой теоретический и практический интерес.

* * *

В своем докладе на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, определяя задачи партии в области национально-государственного строительства в период развернутого строительства коммунизма, говорил: «Развитие социалистических наций находит свое выражение и в совершенствовании национальной государственности народов СССР. Партия будет и впредь идти навстречу назревшим в этой области потребностям. Необходимо полностью использовать все возможности, заложенные в советских принципах федерации и автономии»¹³.

Эта директива партии воплощает в себе ленинские положения о диалектике развития нации и национальной государственности. При этом, как отмечал В. И. Ленин, если в условиях капитализма национальное «равенство» во всем, в том числе и в государственном строительстве, означает войну, обособление, замкнутость, привилегированное положение господствующей нации, то при социализме трудящиеся массы сами не согласятся никогда на замкнутость, прежде всего, исходя из интересов экономического и культурного развития своих стран. Но государственный союз советских наций в лице СССР не только не исключает, а наоборот, предполагает наличие национальных моментов в государственном строительстве входящих в его состав национальных союзных республик. «Разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства, — писал В. И. Ленин, — все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, — основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций»¹⁴.

М. Ҳ. Ҳақимов

**ҲОЗИРГИ ДАВРДА МИЛЛИЙ СОВЕТ ДАВЛАТЧИЛИГИ РИВОЖЛАНИШИДАГИ
АЙРИМ МАСАЛАЛАР ҲАҚИДА**

Мақолада СССРда коммунизм қурилиши кенг авж олдирилган ҳозирги даврда миллий совет давлатчилигининг ривожланишидаги айрим характерли йўналишлар кўрсатилади. Автор ҳозирги даврда миллий совет давлатчилигини ривожлантиришдаги бош йўл федерал асосларни мустақамлаш ва такомиллаштириш ҳамда миллий совет давлатчилигини интернационаллаштириш эканлигини таъкидлайди.

¹³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, стенографический отчет, т. III, стр. 313.

¹⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 324.

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМЫ ПЯТИЛЕТКИ (1966 — 1970)

И. ИСКАНДЕРОВ

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ
ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УЗБЕКИСТАНА В ХОЗЯЙСТВЕ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

Коммунистическая партия и Советское государство проявляют неустанную заботу о росте материального благосостояния нашего народа. Выступая на XXII съезде КПСС, Н. С. Хрущев подчеркивал: «Весь смысл своей деятельности наша партия видит в том, чтобы повышать благосостояние народа, развивать и полнее удовлетворять материальные и духовные запросы советских людей¹».

В удовлетворении постоянно растущих потребностей трудящихся в товарах широкого потребления особая роль принадлежит легкой промышленности.

За годы Советской власти в Средней Азии, в частности в Узбекистане, созданы совершенно новые отрасли легкой промышленности. Здесь сооружены крупнейшие текстильные и шелковые комбинаты, трикотажные, швейные и обувные фабрики и много других предприятий; получили дальнейшее развитие хлопкоочистительная и шелкоперерабатывающая промышленность.

В настоящее время легкая промышленность Узбекистана как по объему промышленной продукции, так и по численности рабочих занимает первое место среди других отраслей промышленности республики (табл. 1).

В Среднеазиатском экономическом районе с каждым годом увеличивается выпуск товаров широкого потребления. Только в первом квартале 1964 г. предприятиями Узбекистана было произведено 337 тыс. т хлопка-волокна, 48,2 млн. м² хлопчатобумажных тканей, 7385 тыс. м² шелковых тканей, более 4 млн. шт. бельевого и верхнего трикотажа, 3354 тыс. пар кожаной обуви, на 97 111 тыс. руб. швейных изделий, что значительно превышает выпуск этой продукции за соответствующий период прошлого года².

Но несмотря на достигнутые успехи, уровень производства продукции легкой промышленности Средней Азии еще не удовлетворяет растущей потребности населения в товарах широкого потребления, а выпуск некоторых основных изделий на душу населения здесь ниже, чем в других экономических районах страны. Так, в Узбекистане на душу населения производится шелковых тканей, верхнего трикотажа, кожаной обуви в 1,3 раза меньше, нижнего трикотажа — в 1,5 и хлопчатобумажных тканей — в 1,1 раза меньше, чем в целом по Союзу. Это обусловило завоз в Среднюю Азию из центральных районов страны значительного количества одежды, обуви, трикотажных, шерстяных тканей и ряда других промышленных товаров.

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 87.

² Правда Востока, 25 апреля 1964 г.

На наш взгляд, такая практика обеспечения потребностей республик Средней Азии вышеуказанными товарами является экономически неэффективной. Среднеазиатские республики, производя большое количество сырья для легкой промышленности, в то же время занимают незначительный удельный вес в союзном производстве продукции этой отрасли (табл. 2). Это — результат неправильного, экономически не обоснованного размещения отраслей легкой промышленности, ведущего к отрыву производства от источников сырья.

Таблица 1

Удельный вес отраслей легкой промышленности УзССР на 1 января 1963 г.

Отрасль промышленности	Вся промышленность			
	число предприятий и производств	среднесписочное число рабочих	валовая продукция	основные фонды
Вся промышленность	100	100	100	100
в том числе отрасли легкой промышленности	17,0	32,8	43,6	12,3
из них:				
текстильная	3,7	18,6	33,5	10,0
а) хлопкоочистительная	1,1	3,6	21,3	4,5
б) по первичной обработке лубяного волокна	0,2	0,5	0,5	0,4
в) шерстемойная	0,03	0,04	0,2	0,01
г) шелкоткальная	0,07	1,3	0,8	0,2
д) хлопчатобумажная	0,8	6,0	5,4	3,0
е) шерстяная	0,3	0,4	0,1	0,01
ж) шелковая	0,4	3,8	3,4	0,1
з) пенько-джутовая	0,1	0,7	0,5	0,2
и) трикотажная	0,2	1,6	0,9	0,4
швейная	7,3	9,8	6,7	1,3
меховая, кожевенная и обувная	6,0	4,4	3,4	1,0
а) производство кожи	0,07	0,3	0,7	0,3
б) обувная	5,4	3,6	1,7	0,6
в) меховая	0,08	0,09	0,7	0,04

Критикуя подобные недостатки в размещении химической промышленности, Н. С. Хрущев в своем докладе на декабрьском Пленуме ЦК КПСС 1963 г. говорил: «Разве правильно и разумно, что примерно половина производства пластических масс, синтетических каучуков и химических волокон сосредоточена в центральных районах Европейской части СССР? Ведь эти районы не имеют дешевого сырья, топлива и электроэнергии. А в какую копейку обходится перевозка химических продуктов из центра в отдаленные районы страны?! Необходимо потребовать от Госплана СССР, Госстроя СССР, Комитета по химии и нефти и проектных институтов, чтобы, выбирая место строительства, они самым тщательным образом взвешивали все экономические факторы»³.

Эти замечания Н. С. Хрущева должны быть учтены и при размещении легкой промышленности. Ныне в Среднеазиатском экономическом районе перерабатывается еще незначительное количество хлопка-волокна. Так, в Узбекистане на долю которого приходится более 70% общесоюзного производства хлопка-сырца, в 1962 г. было переработано всего 3,75% хлопка-волокна.

³ Н. С. Хрущев, Ускоренное развитие химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 года, Правда, 10 декабря 1963 г.

В целях устранения имеющихся недостатков в 1966—1970 гг. предполагается повысить объем и удельный вес использования хлопка-волокна непосредственно в экономическом районе, где производство хлопчатобумажных тканей обходится с наименьшими издержками (табл. 3).

Следует иметь в виду, что перевозка хлопка-волокна из Среднеазиатского экономического района на текстильные комбинаты центральных и восточных районов страны приводит к большим и совершенно неоправданным затратам. Так, на доставку 1 т хлопка-волокна на текстильные предприятия Узбекистана транспортные расходы составляют не более 1 руб., а на текстильные предприятия центра — 10—12 руб.

Таблица 2

Удельный вес Средней Азии и РСФСР в производстве основных видов продукции легкой промышленности в 1962 г. (СССР=100%)

Виды продукции	РСФСР		Средняя Азия	
	всего	в том числе центральный район	всего	в том числе УзССР
Хлопок-волокно	—	—	92,0	70,3
Шелк-сырец	—	—	59,6	36,0
Шерсть натуральная	48,1	1,4	16,6	6,2
Ткани:				
хлопчатобумажные	85,6	77,3	5,2	3,7
шерстяные	78,5	55,4	1,6	—
шелковые	80,9	72,2	6,5	3,0
Трикотаж:				
верхний	48,0	Нет св.	5,0	2,0
бельевой	45,4		3,9	2,0
Кожаная обувь	57,4	15,4	4,7	2,7

Учитывая эти благоприятные факторы, в предстоящем пятилетии необходимо предусмотреть более высокие темпы роста легкой промышленности в Среднеазиатском экономическом районе. Развитие этой отрасли, на наш взгляд, должно идти по следующим основным направлениям.

Развитие сырьевой базы. Республики Средней Азии обладают богатыми сырьевыми ресурсами для ускоренного развития различных отраслей легкой промышленности: на долю экономического района приходится 87% хлопка-сырца, 68% коконов тутового шелкопряда и около 99% стеблей кенафа общесоюзного производства. Поэтому здесь следует всемерно развивать промышленность по первичной переработке сырья.

Хлопкоочистительная промышленность. Намечаемое в Узбекистане увеличение в предстоящем пятилетии производства хлопка-сырца на 25% вызывает необходимость расширения и реконструкции действующих хлопкоочистительных предприятий, а также строительства новых заводов, преимущественно на землях нового орошения — в Голодной и Каршинской степях, а также в районе Южно-сурханского водохранилища. В связи с этим надо осуществить большие мероприятия по развитию сушильно-очистительного хозяйства в размерах, обеспечивающих сушку и очистку всего поступающего хлопка.

Увеличение удельного веса машинного сбора хлопка-сырца и внедрение старшей перевозки его потребуют изучения и выбора оптимальной мощности заводов, их территориального размещения с учетом тяготения к сырьевым массивам, а также более совершенной организации заготовительной сети.

При дальнейшем развитии и размещении хлопкоочистительной промышленности целесообразно исходить из круглогодичного режима работы большинства хлопкозаводов, сохранения при них цехов линтерования семян, внедрения комплексной механизации при складировании сырца, значительного увеличения призаводских заготовок и рационального размещения внезаводских пунктов.

Таблица 3

Сравнительные данные о себестоимости отдельных видов текстильных изделий на различных комбинатах (%)

Изделия	Текстильные комбинаты			
	Ташкентский	Глуховский	Барнаульский	Чебоксарский
Основа кордная 54	100	193,6	152,1	138,0
Миткаль арт. 560	100	119,8	121,0	125,0
Сатин арт. 114	100	132,0	132,0	141,0

Шелкомотальная промышленность. В настоящее время мощность действующих предприятий шелкомотальной промышленности Средней Азии не обеспечивает переработку всей массы заготавливаемых в районе коконов. В 1960 г. при наличии 6,3 тыс. т сухих коконов мощность кокономотальных фабрик района обеспечивала переработку только 5,1 тыс. т, а по Узбекской ССР — соответственно 4,7 и 3,2 тыс. т. Излишки коконов вывозились в основном в Азербайджан, где постоянно ощущается дефицит в сырье.

Несоответствие в размещении сырьевой базы и кокономотальной промышленности страны видно из следующих данных за 1960 г. (в %):

Районы производства	Заготовки коконов	Мощности по переработке
Средняя Азия	68	61
Закавказье	22,4	35,1
Новые районы (Украина, Молдавия)	9,6	3,9

На наш взгляд, назрела необходимость увеличить мощности кокономотального производства в Средней Азии путем расширения действующих и строительства новых фабрик, обеспечивающих переработку всех коконов в пределах экономического района, поскольку они являются крайне нетранспортбельным грузом. Новые кокономотальные фабрики в УзССР надо будет разместить в Юго-Западном Узбекистане, низовьях Аму-Дарьи и Ферганской долине.

Первичная обработка кенафа. Кенаф является сравнительно новой в СССР грубоволокнистой культурой, успешно осваиваемой колхозами и совхозами ряда районов республик Средней Азии.

Рост потребностей в джуто-кенафном волокне способствовал быстрому расширению посевов лубяных культур и развитию промышленности по их первичной обработке. На долю Узбекистана ныне приходится свыше 91% заготовок кенафа в Средней Азии. Но хотя валовой сбор стебля кенафа в республике ежегодно увеличивается, производственные мощности лубзаводов остаются на прежнем уровне. Это привело к тому, что часть сырья приходится вывозить на лубзаводы Киргизии,

* По данным „Узгипролегпрома“

на расстояние до 700 км, а часть — оставлять переработанной до следующего года.

Для устранения такого положения одновременно с наращиванием мощностей заводов по первичной переработке луба кенафа следует отказаться от технологии холодноводной биологической мочки или, сохранив ее как сезонную, осуществить строительство новых цехов тепловодной мочки с мощными сушилками, что обеспечит круглогодичный режим их работы. В последующем можно перейти на физико-химический способ обработки луба.

Представляется целесообразным также восстановить посевы кенафа в Киргизии за счет переноса туда части посевов Узбекистана, что позволит полностью загрузить сырьем лубзаводы Киргизии.

Производство хлопчатобумажных тканей. К 1965 г. производство хлопчатобумажных тканей в Среднеазиатском экономическом районе возрастет до 375 млн. пог. м против 311 млн. пог. м в 1960 г., а по Узбекистану соответственно — 263 и 285 млн. пог. м. Исходя из средне-союзной нормы 30—32 пог. м на одного человека, потребность всего района в тканях в 1970 г. составит 660—700 млн. пог. м, а Узбекистана — 350 млн. пог. м. Следовательно, чтобы покрыть потребность района собственным производством тканей, выпуск их в республиках Средней Азии должен быть увеличен более чем на 300 млн. пог. м. Внутрирайонное производство хлопчатобумажных тканей к 1970 г. можно принять в размере 550—580 млн. пог. м. В таком случае в расчете на душу населения Среднеазиатского экономического района будет вырабатываться 30—32 пог. м.

Следует учесть, что 94% выпускаемых в Средней Азии хлопчатобумажных тканей относятся к плательно-бельевой группе, а в Узбекской ССР выпускаются ткани только этой группы. Не вырабатываются в республике хлопчатобумажные и плательные ткани осенне-зимнего ассортимента. В недостаточном количестве выпускается ситец, сорочечные и другие ткани. Это вынуждает завозить в республику значительное количество хлопчатобумажных тканей из центральных районов Союза.

Производство хлопчатобумажных тканей в Узбекистане покрывает потребность республики в этой продукции на 62%. В то же время из Узбекистана вывозится значительное количество хлопчатобумажных тканей. Дальнейшее развитие хлопчатобумажной промышленности в республике может рассматриваться только с учетом специализации фабрик в масштабе всей Средней Азии. В предстоящей пятилетке намечено расширить и реконструировать ряд действующих предприятий Средней Азии (в Ташкенте, Душанбе, Фергане, Ашхабаде), что позволит значительно увеличить выпуск тканей. Вместе с этим будут закончены и введены в действие хлопчатобумажный комбинат в Оше и начнется строительство хлопчатобумажного комбината в Бухаре, который будет выпускать 32,5 млн. м меланжевых и бархатных тканей.

Наличие рабочей силы (преимущественно женской), неограниченные сырьевые возможности и богатые топливно-энергетические ресурсы создают реальные предпосылки для развития хлопчатобумажной промышленности Средней Азии с расчетом на вывоз готовых тканей в восточные районы страны (Казахстан, Сибирь). Это потребует, однако, более глубокой проработки вариантов решений в развитии хлопчатобумажной промышленности в Сибири, Казахстане и Средней Азии.

Целесообразно предусмотреть в республике производство нетканых материалов на базе использования низких сортов хлопка-волокна и отходов легкой промышленности в смеси с химическим волокном.

В предстоящей пятилетке особое внимание должно быть уделено развитию трикотажной промышленности. К 1970 г. выпуск ее продукции по сравнению с 1965 г. надо будет увеличить примерно в 3 раза. В связи с этим на 1964—1965 гг. предусмотрено расширение почти всех действующих предприятий этой отрасли и ввод в действие комбината в Ура-Тюбе с проектной мощностью 6 млн. шт. верхнего трикотажа. До 1970 г., кроме намеченной к строительству фабрики бельевого трикотажа в Андижане, необходимо построить еще несколько специализированных фабрик с одновременным увеличением мощности имеющихся прядильных предприятий.

Производство шелковых тканей в Средней Азии основывается на использовании натурального шелка-сырца, а также химического волокна, завозимого ныне из других районов страны.

До 1970 г. в среднеазиатских республиках, наряду с увеличением производства шелковых тканей из искусственных и синтетических волокон, будет расширяться выпуск тканей из натурального шелка, поскольку производство их перемещается из Москвы и Ленинграда в районы Средней Азии, к основной сырьевой базе. Общий выпуск шелковых тканей в Среднеазиатском экономическом районе в 1970 г. составит 158—160 млн. пог. м, что почти втрое больше, чем в 1962 г. Производство тканей из натурального шелка достигнет почти 40 млн. пог. м.

На 1966—1970 гг. намечено строительство и ввод в действие комбината шелковых и костюмных тканей из штапельного волокна в Намангане, расширение шелковых комбинатов в Ленинабаде и Чарджоу. Химический комбинат в Навои и завод искусственного волокна в Фергане к 1970 г. начнут выпускать ацетатный шелк и нитрон для шелкоткацких фабрик района.

Шерстяные ткани в предстоящей пятилетке будут производиться камвольным комбинатом во Фрунзе (который вступит в строй в 1964 г.) и комбинатом в Самарканде. Общий объем производства шерстяных тканей на этих предприятиях составит 20—25 млн. м. В предстоящей пятилетке целесообразно предусмотреть строительство специализированной фабрики по производству шерстяной камвольной пряжи для трикотажной промышленности и шерстяной пряжи для ковроделия. С целью прекращения вывоза невыттой шерсти, наряду с завершением строительства фабрики первичной переработки шерсти в Токмаке, надо будет начать строительство по крайней мере еще двух фабрик, в том числе одной — в Узбекистане.

Швейная промышленность. В Средней Азии ежегодно растет производство швейных изделий. Если в 1961 г. в среднем на душу населения УзССР приходилось 16,8 руб. швейных изделий, то в 1963 г. — 18,1 руб. Однако фактическое потребление опережает производство. Так, в 1963 г. потребление швейных изделий на душу населения республики составляло около 25 руб.

Необходимо отметить, что несмотря на растущие потребности населения в одежде, на складах и в торговых организациях скапливается большое количество швейных изделий пониженного качества и устаревших фасонов. В связи с этим за последние годы резко возросла реализация швейных изделий предприятиями индивидуального пошива.

В дальнейшем необходимо проводить специализацию производства швейных изделий в масштабе всего экономического района, учитывая особенности и интересы потребителей каждой союзной республики.

Обувная промышленность. По производству обуви на душу населения республики Средней Азии значительно отстают от среднесоюзного уровня. В связи с этим к концу 1965 г. выпуск обуви в Среднеазиатском экономическом районе предполагается увеличить по сравнению с 1958 г. в 2—3 раза, что позволит значительно сократить завоз обуви, достигающий ежегодно 9—9,5 млн. пар.

Ближайшая задача обувной промышленности экономического района заключается в том, чтобы полностью удовлетворить собственные потребности в обуви за счет местного производства и устранить нерациональные перевозки из других районов. Завоз и вывоз обуви в перспективе должен сохраниться исключительно в целях покрытия дефицита по отдельным видам обуви и в порядке расширения торговых связей с зарубежными странами.

В настоящее время в среднем по СССР на одного жителя производится в год 2 пары обуви, а для удовлетворения полной потребности в ней надо выпускать в среднем по 4 пары в год.

Как показывают наши расчеты, обувная промышленность Средней Азии должна развиваться более высокими темпами, чем в среднем по Союзу. Для этого в предстоящей пятилетке необходимо реконструировать и расширить имеющиеся предприятия, а также построить ряд новых обувных фабрик. Большое внимание следует уделять улучшению организации, специализации, кооперированию, комбинированию обувного производства.

Таковы некоторые основные направления развития и размещения отдельных отраслей легкой промышленности Среднеазиатского экономического района на предстоящее пятилетие. Разумеется, наши предложения требуют дальнейшего всестороннего и углубленного обоснования с учетом всех экономических факторов в масштабе района и Союза в целом.

И. Искандеров

ЎРТА ОСИЁ ИҚТИСОДИЙ РАЙОНИ ХУЖАЛИГИДА ЎЗБЕКИСТОН ЕНГИЛ САНОАТИНИ РИВОЖЛАНТИРИШНИНГ АСОСИЙ ИЎЛЛАРИ ҲАҚИДА

Мақолада Ўзбекистон енгил саноатининг ҳозирги ҳолати, ундаги асосий камчиликлар ва Ўрта Осие иқтисодий райони миқёсидаги вазифалар ёритилади. Автор Ўрта Осие иқтисодий районида, айниқса тўқимачилик саноатини ривожлантириш иқтисодий самарали эканлигини кўрсатиб, уни юқори суръат билан тараққий эттиришни тавсия қилади.

Х. АХМЕДОВ

О МЕТОДИКЕ ИСЧИСЛЕНИЯ ВАЛОВОГО ДОХОДА В КОЛХОЗАХ

Среди широкого круга проблем, связанных с совершенствованием методики и практики планирования социалистического народного хозяйства, особое место занимают вопросы исчисления и планирования показателей валовой продукции и дохода как в отраслевом, так и в социальном разрезе. Успешное решение этих вопросов позволит правильно сбалансировать основные элементы народнохозяйственного плана, определить ведущие народнохозяйственные пропорции и темпы общественного производства, увязать процессы производства валового продукта с его использованием, проследить закономерности соотношения материально-вещественной и стоимостной структуры общественного продукта и дохода.

В данной статье мы рассмотрим некоторые вопросы методики исчисления валового дохода колхозного производства с точки зрения как существующей практики исчисления и ее влияния на объемные показатели колхозного производства, так и дальнейшего совершенствования принятой системы учета.

Надо сказать, что во многих специальных работах¹ наши экономисты ограничиваются лишь исследованием структуры совокупных денежных средств колхозов, которые, однако, не отражают экономической сущности доходов колхозов. То, что многие экономисты называют «денежным доходом» колхоза, практически означает только денежную выручку ($c+v+m$) от реализации продукции, а не действительный доход ($v+m$).

При таком понимании денежного дохода колхоза происходит смешение перенесенной и вновь созданной стоимости, овеществленного и живого труда. Кроме того, исключается стоимость продуктов, выданных натурой колхозникам для оплаты их труда, а также стоимость вновь накопленной в данном году части натуральной продукции (увеличение семенных и фуражных фондов, прирост стада, многолетних насаждений, расход строительных материалов собственного производства).

К. Маркс указывал, что «валовой доход есть та часть стоимости и

¹ См., напр., учебное пособие «Экономика сельскохозяйственных предприятий», М., Госполитиздат, 1962 (§. Денежные доходы и их распределение); учебное пособие «Политическая экономия. Коммунистический способ производства», М., Соцэкгиз, 1963 (§. Особенности распределения колхозного производства и колхозных доходов, стр. 333); В. А. Павчак, Денежные доходы колхозов и их распределение (на примере колхозов лесостепной зоны Станиславской области), Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. экон. наук, М., 1961; В. Муратов, Распределение денежных доходов в колхозах Сумской области, Экономика сельского хозяйства, 1960, № 12.

измеряемая ею часть валового продукта, которая остается за вычетом части стоимости во всем производстве, возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал².

Это положение К. Маркса должно быть методологической основой теории и практики учета и планирования валового дохода, от правильного исчисления которого во многом зависит определение реального объема валового дохода колхозов и удельного веса колхозного производства в создании национального дохода, а также уровня колхозного производства, его рентабельности и эффективности применяемого в нем труда. Валовой доход колхозов является результатом всего вновь вложенного в их хозяйство живого труда, необходимого и прибавочного, и потому он является синтетическим показателем общего уровня развития экономики колхозов.

В промышленном производстве вся сумма вновь произведенной стоимости ($v + m$) определяется в плановой и статистической практике как чистая продукция, а в сельском хозяйстве — как валовой доход. Оба этих показателя, несмотря на некоторое различие в их определении, играют одинаковую роль, и их объемность зависит от количества вновь применяемого труда.

В промышленности необходимый труд, занимающий большое место в производстве вновь созданной стоимости, принимает форму заработной платы, а в сельском хозяйстве (имеется в виду колхозное производство) он носит форму натуральных и денежных доходов колхозников.

Как чистая продукция в промышленности, так и валовой доход в колхозном производстве, будучи синтетическими, обобщающими показателями, воплощающими результаты вновь затраченного труда, являются с точки зрения методики исчисления зависимыми показателями. Они зависят от методики исчисления как объема валового продукта, так и объема материально-производственных затрат.

Годовая продукция труда колхозников, занятых в сфере материального производства, есть валовая продукция, в состав которой входит продукция, произведенная в сельскохозяйственных и промышленных отраслях хозяйства, а также изготовленные колхозниками средства производства и денежные поступления от выполнения работ на стороне.

В состав валового продукта следует прежде всего включать его товарную часть как сумму продукции отдельных предприятий и хозяйств, поступающей в оборот между ними. Однако отнюдь не весь валовой продукт колхозов принимает товарно-денежную форму. Часть его поступает в личное потребление или идет на накопление. Поэтому в объем валового продукта должны включаться и продукты, поступающие в непроеизводственное потребление.

Следовательно, под валовой продукцией колхозов надо понимать сумму продукции, поступившей в товарно-денежный оборот, с добавлением той части продуктов (в нетоварной форме), которая пошла на непроеизводственное потребление и накопление.

Таким образом, при определении величины стоимости валовой продукции сельского хозяйства колхозов в денежном выражении мы придерживаемся принципа исчисления, рекомендуемого ЦСУ, по которому объем валовой продукции сельского хозяйства определяется как сумма стоимостей:

1) произведенных за определенный период продуктов растениеводства и животноводства, включая и стоимость продукции, потребленной внутри хозяйства в том же году;

² К. Маркс, Капитал, т. III, М., Госполитиздат, 1954, стр. 854.

- 2) прироста незавершенного производства;
- 3) выращивания многолетних насаждений;
- 4) сельскохозяйственных работ, выполненных со стороны.

Если не включать стоимость внутрихозяйственного потребления в состав валовой продукции колхоза, то это приведет к искажению реальных соотношений и удельных весов каждой отрасли в общем объеме продукции сельского хозяйства и к отрицанию существующего разделения труда между отраслями сельскохозяйственного производства колхоза.

Поэтому нельзя согласиться с некоторыми экономистами, которые считают, что при определении объема валового продукта сельского хозяйства не следует учитывать, например, потребленные внутри хозяйства семена или корма для скота, потому что они якобы «не входят в общественный продукт... не образуют и части продукта сельскохозяйственного предприятия»³.

При исчислении валовой продукции и валового дохода колхозов весьма важное значение имеет правильная денежная оценка сельскохозяйственной продукции. Но, к сожалению, и здесь у нас еще нет единого подхода. Так, Министерство сельского хозяйства СССР независимо от деления валовой продукции колхоза на товарную и нетоварную, а также от путей использования ее, рекомендует колхозам исчислять всю совокупность валовой продукции в единых ценах 1958 г. ЦСУ СССР в своей инструкции предлагает колхозам исчислять товарную часть продукции сельского хозяйства по ценам фактической реализации, нетоварную часть — по себестоимости производства этих продуктов, а в хозяйствах населения — по средним ценам товарной продукции колхозов.

Некоторые же экономисты (К. Н. Попадюк, А. П. Савина) исчисляют товарную часть продукции по ценам фактической реализации, а нетоварную — по государственным закупочным ценам 1958 г.

Применение разных методов исчисления валового дохода, естественно, дает различные результаты. Например, объем валового дохода колхоза, исчисленный Статуправлением УзССР, оказался на 2,5% больше объема, определенного по методике ряда авторов (К. Н. Попадюк и др.)⁴. Эта разница объясняется тем, что указанные авторы исчисляли нетоварную часть продукции по государственным закупочным ценам 1958 г.

Мы считаем методику исчисления валовой продукции, применяемую ЦСУ, более правильной и обоснованной, поскольку она точно отражает специфику сельскохозяйственного производства и полностью охватывает результаты хозяйственной деятельности колхозов.

Как уже говорилось выше, объем валового дохода зависит и от правильного определения размера материально-производственных затрат, т. е. затрат прошлого, овеществленного труда. К сожалению, до сих пор еще не установлено единого принципа исчисления этих затрат в денежном выражении. В инструктивных указаниях МСХ СССР различные элементы материально-производственных затрат колхозов из материалов собственного производства оцениваются по-разному: на основе фактической и плановой себестоимости, государственных заку-

³ См. «Вопросы социалистического воспроизводства», М., 1958, стр. 57; Общественные фонды колхозов и распределение колхозных доходов, М., Экономиздат, 1961, стр. 24.

⁴ К. Н. Попадюк, К вопросу исчисления и распределения валового и чистого дохода колхозов Узбекистана, Научные записки Ташкентского финансово-экономического института, вып. 12, Ташкент, 1960, стр. 169.

почных цен и даже так называемых «местных цен». На наш взгляд, при определении величины материально-производственных затрат следует исходить из объективных требований закона стоимости. Все материалы собственного производства колхозов надо оценивать по себестоимости, а покупные — по ценам их приобретения. Эта система учета, практикуемая во всех государственных предприятиях, должна применяться и в колхозах.

Таблица 1

Показатели	В % к 1955 г.						
	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Валовая продукция в среднем на один колхоз	120,3	148,2	158,0	181,0	203,2	210,6	198,1
Валовая продукция на 100 га сельскохозяйственных угодий	116,0	149,0	145,3	147,0	141,2	124,3	116,5
Валовой доход в среднем на один колхоз	125,1	154,1	167,3	196,0	218,3	202,0	185,2
Валовой доход на 100 га сельскохозяйственных угодий	120,5	155,4	154,2	160,6	152,2	119,7	109,4
Валовой доход на 1 среднетрудоспособного	117,5	126,2	125,6	130,6	126,5	115,9	111,0

Таблица 2.

Годы	Урожайность хлопчатника, ц/га	В % к 1955—1957 гг.	В сопоставимых ценах 1958 г.			
			валовая продукция на 1 чел.-день		валовой выход на 1 чел.-день	
			руб.	%	руб.	%
1955—1957	21,3	100,0	3,47	100,0	2,61	100,0
1956—1958	23,0	108,0	3,70	106,6	2,48	108,8
1957—1959	23,7	111,3	3,83	110,4	2,98	114,2
1958—1960	23,4	109,8	3,90	112,4	3,07	117,6
1959—1961	22,9	107,5	4,08	117,6	3,10	118,8

В колхозной отчетности отсутствуют обобщенные показатели валовой продукции сельского хозяйства в фактических ценах, которые могли бы быть непосредственно использованы для расчета общественного продукта. Поэтому валовая продукция сельского хозяйства в фактических ценах исчисляется расчетным путем.

Валовая продукция и валовой доход сельского хозяйства в денежном выражении стали исчисляться ЦСУ и Госпланами союзных республик с 1957 г., а с 1958 г. в отчетах колхозов впервые появляются показатели валовой продукции растениеводства и животноводства. Однако они даются в условной оценке по государственным закупочным ценам. Последние же не включают налог с оборота, представляющий собой денежное выражение прибавочного продукта, реализуемого в государственных розничных ценах.

Практика составления баланса общественного продукта требует, чтобы показатели валовой продукции колхоза отражались в фактических ценах реализации. При этом следует отметить, что для изучения темпов развития валового дохода за несколько лет исчисление в фактических ценах не является достаточным, ибо изменение цен влияет на динамику валового дохода колхоза. Чтобы исключить это влияние и

получить правильное представление о динамике валового дохода, необходимо переоценивать показатели за изучаемые годы в неизменных ценах. В прошлом для этого использовались неизменные цены 1926—1927, 1951 и 1956 гг. (без налога с оборота).

Основу повышения валового дохода составляет увеличение сельскохозяйственной продукции и снижение материально-производственных затрат. Динамика и темпы роста валовой продукции и валового дохода в колхозах Узбекистана (в сопоставимых ценах 1958 г.) характеризуются данными табл. 1.

Из табл. 1 видно, что с 1955 по 1962 г. валовой доход в среднем на один колхоз УзССР увеличился на 85,2%, на 100 га сельхозугодий — на 9,4%, а на 1 среднетрудоспособного колхозника — на 11%, что не соответствует темпу роста чистой продукции промышленности республики.

Увеличение валового дохода колхозов Узбекистана связано прежде всего с ростом урожайности хлопчатника, а также с повышением заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и сырье.

Важным условием увеличения валового дохода колхозов является экономное расходование материально-денежных средств. С 1955 по 1960 г. материально-производственные расходы колхозов республики снизились на 14%. Закон повышения производительности труда выступает постоянно действующим главным фактором роста валового дохода колхоза. В силу этого закона издержки производства неуклонно падают, а живой труд становится все более производительным.

Увеличение валового дохода на 1 человеко-день представляет собой один из важных показателей роста производительности живого труда и позволяет определить объем вновь созданной стоимости за счет вновь примененного живого труда.

Соотношение между уровнем урожайности хлопчатника и производительности труда в колхозах УзССР характеризуется данными табл. 2.

Повышение урожайности хлопчатника и производительности труда в колхозах отражается на изменении соотношения между необходимым и прибавочным продуктом. Изменение удельного веса необходимого и прибавочного продукта в валовом доходе колхозов УзССР характеризуется следующими данными (%):

	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.
Валовой доход	100,0	100,0	100,0	100,0
Необходимый продукт	60,9	53,0	48,7	52,6
Прибавочный продукт	39,1	47,0	51,3	47,4

Из этих данных видно, что в рассматриваемый период в колхозах республики удельный вес продукции, создаваемой необходимым трудом, снизился на 8,3% и соответственно повысилась доля прибавочного продукта. Это прежде всего показывает рост производительности труда. Но вместе с тем следует учесть, что, во-первых, наши колхозы в течение ряда лет отставали по уровню производства хлопка, а во-вторых, в них были допущены необоснованно завышенные отчисления в фонд накопления за счет снижения доли необходимого продукта.

Теперь задача состоит в том, чтобы на основе тщательного изучения принципов исчисления валовой продукции и дохода, а также учета факторов расширенного сельскохозяйственного производства установить в перспективе оптимальное соотношение между накоплением и потреблением. В этом деле немалую роль должно сыграть дальнейшее улучшение методики исчисления валового дохода колхозов.

Х. Аҳмедов /**КОЛХОЗЛАРДА ЯЛПИ ДАРОМАДНИ ҲИСОБЛАШ МЕТОДИКАСИ ҲАҚИДА**

Мақолада Ўзбекистон колхозлари мисолида қишлоқ хўжалик ялпи даромадини ҳисоблаш методикаси ёритилган. Шунингдек, бу методикани янада такомиллаштириш тўғрисида авторнинг бир қатор янги таклифлари берилган.

А. НОВОДВОРСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦКК — РКК УЗБЕКИСТАНА

В ходе коммунистического строительства наша партия, руководствуясь своей Программой, прочно опираясь на революционный опыт, данные науки и практики и неиссякаемую энергию масс, творчески подходит к решению важнейших вопросов управления народным хозяйством страны.

Состоявшийся в ноябре 1962 г. Пленум ЦК КПСС внес новый выдающийся вклад в теорию марксизма-ленинизма и практику руководства социалистическим государством и сферой материального производства. В соответствии с решениями XXII съезда партии Пленум наметил практические меры по созданию стройной системы партийно-государственного контроля на основе принципов, разработанных В. И. Лениным еще в первые годы Советской власти.

Как известно, первой ступенью в организации социалистического контроля явился рабочий контроль. В. И. Ленин рассматривал его как необходимое революционно-экономическое мероприятие рабочего класса, обязательное для любой страны, где у власти находятся трудящиеся. По инициативе В. И. Ленина наряду с рабочим контролем стали постепенно создаваться органы государственного контроля. В мае 1918 г. был образован Народный Комиссариат государственного контроля.

Для осуществления контроля над государственным и хозяйственным аппаратом Туркестанской АССР 15 мая 1918 г. был создан Центральный государственный контроль с отделениями в областях и уездах края¹. Эти органы занимались главным образом проверкой и учетом материальных ценностей, находившихся в национализированных предприятиях и на складах, что имело большое значение в условиях хозяйственной разрухи и саботажа буржуазии. Однако Центральный государственный контроль и его местные органы не могли эффективно выполнять возложенные на них обязанности, поскольку аппарат их был малочисленным и имел незначительную пролетарскую прослойку.

В работе органов государственного контроля было немало недостатков. Поэтому VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.) принял решение о радикальной реорганизации государственного контроля и создании контроля социалистического характера.

В соответствии с решением VIII съезда партии 9 апреля 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли специальный декрет о государственном контроле, в котором были учтены ленинские предложения о необходи-

¹ СЗ Туркеспублики, 1918, № 5, стр. 32.

мости широкого привлечения трудящихся к участию в контрольных органах Советской власти. В этом деле важную роль сыграло образование рабочих инспекций (Рабочая продовольственная инспекция, Железнодорожная продовольственная инспекция, Московская рабочая инспекция). Деятельность Рабочей продовольственной инспекции получила высокую оценку В. И. Ленина².

Почин рабочего класса Центральной России был подхвачен трудящимися Туркестана. Здесь также были созданы Рабочая продовольственная инспекция, Железнодорожная инспекция, Военно-полевая инспекция РКИ при Штабе Туркфронта³.

7 февраля 1920 г. ВЦИК издал декрет «О Рабоче-крестьянской инспекции», согласно которому государственный контроль как в центре, так и на местах был сосредоточен в едином органе — Народном Комиссариате рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ). В этой связи ЦИК ТАСССР декретом от 7 июня 1920 г. постановил: все образовавшиеся отдельные органы РКИ при учреждениях, комиссариатах продовольствия, здравоохранения и при ЦСНХ, а также другие контрольно-ревизионные ведомственные органы передать в ведение НКРКИ для полного объединения государственного надзора и контроля⁴.

С переходом страны к новой экономической политике партия разработала ряд мероприятий по дальнейшему улучшению деятельности государственного аппарата, обращая внимание прежде всего на усиление борьбы с бюрократизмом и волокитой, на широкое привлечение рабочих и крестьян к управлению государством.

В соответствии с предложениями В. И. Ленина, изложенными в его статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», XII съезд партии (апрель 1923 г.) принял решение объединить партийный (Центральную Контрольную Комиссию) и государственный (Рабоче-крестьянскую инспекцию) органы контроля в ЦКК — РКИ.

6 сентября 1923 г. ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О реорганизации Народных Комиссариатов рабоче-крестьянской инспекции союзных республик». В соответствии с этим постановлением была проведена реорганизация Народного Комиссариата РКИ Туркестанской республики. Президиум ЦКК КПТ 12 июня 1924 г. утвердил коллегия НКРКИ ТАСССР в составе 5 человек. Народным комиссаром РКИ был утвержден старый большевик, активный участник Октябрьской революции в Ташкенте Д. И. Манжара⁵.

В связи с проведением в 1924 г. национально-государственного размежевания Средней Азии и образованием Узбекской ССР НКРКИ ТАСССР провел большую подготовительную работу по созданию Народных комиссариатов РКИ в среднеазиатских республиках⁶.

Народный комиссариат РКИ Узбекской ССР был образован 1 декабря 1924 г. Для руководства его работой Президиум ЦКК КП(б)Уз в марте 1925 г. создал Коллегию Народного Комиссариата РКИ в составе 5 человек: три человека от ЦКК и 2 человека от РКИ⁷.

Для оказания систематической и конкретной помощи по строительству и совершенствованию государственного и хозяйственного аппарата в молодых национальных республиках Востока и для координирования

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 374.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-41, оп. 1, д. 1032, л. 21 и 24.

⁴ Там же, л. 56.

⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 6323, л. 45.

⁶ Там же, л. 64.

⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 6291, л. 31—32.

работы ЦКК — РКИ среднеазиатских республик Президиум ЦКК ВКП(б) назначил Д. И. Манжара уполномоченным ЦКК — РКИ СССР в Средней Азии⁸.

Органам партийно-государственного контроля в Узбекистане приходилось работать в крайне сложных и трудных условиях, особенно в районах, ранее входивших в Бухарскую и Хорезмскую народные советские республики. Эти районы были наиболее отсталыми в экономическом и культурном отношении. Здесь борьба с басмачеством приняла затяжной характер, а низовой советский аппарат по существу стал создаваться лишь после образования Узбекской ССР.

Состоявшийся в сентябре 1925 г. Пленум ЦКК КП(б)Уз указал на необходимость создания на местах прочного низового советского аппарата. Органы ЦКК — РКИ должны были систематически исследовать и изучать работу волисполкомов и сельсоветов самых отдаленных населенных пунктов Узбекистана.

Осуществляя решения Пленума ЦКК КП(б)Уз, органы партийно-государственного контроля республики проводили обследование деятельности различных звеньев государственного аппарата. Так в 1925—1926 гг. контролю была подвергнута работа низового аппарата в 18 районах и 36 волостях Ферганской области⁹.

В 1927—1928 гг. такое обследование было проведено в Самаркандском, Андижанском, Ферганском и Сурхандарьинском округах. Проверка показала, что в этих округах многие органы Советской власти работали крайне неудовлетворительно. Пленумы райисполкомов и сельсоветов собирались редко, отдельные окружные и районные исполнительные комитеты осуществляли руководство нижестоящими органами лишь путем посылки им многочисленных письменных указаний, которые попадали на места спустя длительное время.

Вместе с тем была отмечена значительная работа, проделанная Ферганской и Самаркандской окружными КК — РКИ по сокращению административно-управленческого аппарата.

ЦКК — РКИ Узбекистана утвердила предложения Ферганской и Самаркандской ОКК — РКИ о централизации делопроизводства окрисполкомов, ликвидации окрпланов, штатных комиссий, окрместхозов, отделов местной и кустарной промышленности. Только по Ферганскому округу сокращение штатов позволило сэкономить около 77 тыс. руб. в год¹⁰, а по Самаркандскому округу 93 тыс. руб. в год¹¹.

В связи с принятым XIV съездом партии курсом на социалистическую индустриализацию страны сокращение и удешевление государственного аппарата становилось насущной необходимостью. ЦКК — РКИ Узбекистана и ее местные органы проводили большую работу по осуществлению режима экономии на промышленных предприятиях и стройках, выявляя факты бесхозяйственности, очковтирательства, неэкономного расходования материалов и денежных средств. В своей работе органы контроля опирались на партийный, комсомольский и советский актив. Так, в 1926 г. при участии студентов САГУ, представителей комсомола и членов секции РКИ Ташкентского Новгородского Совета были обследованы аптекоуправление, нефтесиндикат, чаеуправление, «Туркшелк» и т. д.

В ходе проверки органами партийно-государственного контроля было установлено, что в некоторых учреждениях недопустимо извра-

⁸ Правда Востока, 11 января 1928 г.

⁹ Ферганский облгосархив, ф. 121, оп. 5, д. 104, л. 43.

¹⁰ Правда Востока, 14 сентября 1928 г.

¹¹ Правда Востока, 3 ноября 1927 г.

шался принцип режима экономии. Так, в «Туркшелке», уволили 18 человек, главным образом за счет низкооплачиваемого персонала, тогда как работники главков получали завышенные оклады. За нарушение режима экономии 29 ответственных работников были сняты с работы, 7 получили строгие взыскания, а несколько человек привлечены к уголовной ответственности¹².

Настойчивая борьба ЦКК — РКИ Узбекистана за соблюдение строжайшего режима экономии, поддержанная всеми трудящимися республики, обеспечила выполнение директив партии о сокращении административно-управленческих расходов и улучшении деятельности государственных предприятий, учреждений и организаций.

Органы партийно-государственного контроля Узбекистана приняли деятельное участие в работе Комиссии СТО СССР по обследованию ирригации Средней Азии. Собранные ЦКК — РКИ материалы для экономической характеристики района были использованы при составлении плана ирригационных работ в республике. Обследование мелиоративных товариществ позволило выявить немало недостатков в их деятельности, а также слабое руководство этими товариществами со стороны Водхоза¹³. В 1926 г. органы партийно-государственного контроля обследовали раздел воды между Самаркандской и Зеравшанской областями¹⁴, в 1929 г. было обследовано ирригационное строительство в Ферганской долине и Южной Киргизии и т. д.¹⁵

Особое внимание ЦКК — РКИ и ее местные органы уделяли борьбе за развитие хлопководства и хлопковую независимость нашей страны. По инициативе органов партийно-государственного контроля Узбекистана был установлен общественный контроль над работой хлопковых организаций. В 1928 г. были организованы центральная и окружные комиссии для наблюдения за правильностью приема, сортировки и взвешивания хлопка¹⁶. Органы ЦКК — РКИ активно участвовали в проведении хлопкоуборочных кампаний, мобилизуя трудящиеся массы на своевременную заготовку всего урожая хлопка-сырца.

Большое место в деятельности органов партийно-государственного контроля занимала борьба с бюрократизмом в работе государственного аппарата, за точное и неукоснительное соблюдение советских законов, постановлений партии и правительства.

По инициативе партийно-государственного контроля Народный Комиссариат юстиции разработал проект статьи Уголовного кодекса «О борьбе с бюрократизмом» и внес ее на рассмотрение ЦКК — РКИ.

Партийно-государственный контроль внимательно следил за повседневной практической работой судебно-следственных органов. Так, Коллегия ЦКК — РКИ Узбекистана в 1929 г. обратила внимание НКЮ на волокиту и бюрократизм в аппарате судебных органов Узбекистана¹⁷. Партийно-государственным контролем совместно с судебными органами было произведено 737 обследований низового судебного аппарата, рассмотрено на местах 1183 жалобы¹⁸.

Важную роль в борьбе с бюрократизмом играли Бюро жалоб ЦКК — РКИ и его местные органы, в которых активное участие принимали рабочие заседатели, избираемые на общих собраниях промышлен-

¹² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 6976, л. 22.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 3, д. 27, л. 111.

¹⁴ Там же, л. 137—138.

¹⁵ Правда Востока, 11 апреля 1929 г.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6405, л. 15.

¹⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 7223, л. 182.

¹⁸ Правда Востока, 17 сентября 1929 г.

ных предприятий. Так, за 1925 г. через Центральное бюро жалоб при ЦКК — РКИ прошло около 1000 жалоб¹⁹. В 1927/28 г. за проявление злостного бюрократизма и волокиты были привлечены к дисциплинарной ответственности 104 работника и уволены с работы 57 человек²⁰.

В центре внимания ЦКК — РКИ Узбекистана находились вопросы коренизации аппарата, т. е. выращивание национальных кадров и создание понятного, близкого и доступного населению государственного аппарата. По инициативе партийно-государственного контроля республики в штаты учреждений были введены практиканты, главным образом из коренного населения²¹. В 1928/29 г. при Народном Комиссариате юстиции были организованы республиканские курсы по подготовке выдвиженцев из рабочих и батраков; 90% слушателей этих курсов были лица местных национальностей²². Для подготовки финансовых работников из местных национальностей Наркомфином УзССР в 1928/29 г. были организованы курсы в Ташкенте, Андижанском, Кокандском, Хорезмском и Бухарском округах²³.

Большую помощь в работе ЦКК — РКИ оказывали секции РКИ при городских Советах. Они принимали участие в обследованиях государственного и хозяйственного аппарата, вскрывали недостатки в его работе и добивались их устранения. Так, секция РКИ Новгородского Ташкентского Совета в 1927 г. провела 99 обследований на предприятиях, в учреждениях и организациях города²⁴.

За годы деятельности ЦКК — РКИ получили развитие разнообразные формы вовлечения трудящихся в контрольную работу: временные контрольные комиссии, группы содействия РКИ, отряды «легкой кавалерии», внештатные инспекторы, шефство предприятий над учреждениями. Широко применялись внезапные обследования («налеты», «рейды», «походы»). Активное участие в них принимали рабочие Ташкента и других городов Узбекистана²⁵.

Широкое участие трудящихся в деятельности ЦКК — РКИ явилось новой формой контроля масс над государственным аппаратом, ярким свидетельством растущей активности трудящихся в решении поставленных партией задач по укреплению советского аппарата.

Мобилизации общественности на борьбу за улучшение работы государственного аппарата способствовали систематические обсуждения результатов проверок на общих собраниях рабочих, крестьян, партийных пленумах, президиумах Советов. Итоги расследований, проведенных ЦКК — РКИ, широко освещались на страницах республиканской и местной печати. В 1927/28 г. только «Правда Востока» поместила 300 различных заметок и статей о работе партийно-государственных органов контроля. Такое же количество материалов было помещено и в газете «Кизил Узбекистан»²⁶.

По примеру газеты «Правда» в республиканской печати с мая 1928 г. стали выпускаться «Листки РКИ», сыгравшие важную роль в выявлении конкретных фактов бюрократизма и борьбе с ними.

ЦКК — РКИ была стройной системой партийно-государственного контроля, ее органы пользовались в народе большим авторитетом. Вся

¹⁹ Правда Востока, 10 марта 1926 г.

²⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 6982, л. 63.

²¹ Там же, д. 6527, л. 19.

²² ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 5923, л. 192—194.

²³ Там же, д. 5924, л. 183.

²⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 6982, л. 27—28.

²⁵ Правда Востока, 26 января 1929 г.

²⁶ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 6982, л. 29.

деятельность ЦКК — РКИ была связана с активным участием масс в управлении государством. За десятилетний период своего существования партийно-государственный контроль содействовал решению многих хозяйственных и политических задач.

Массовый народный контроль воспитывал у советских людей чувства долга и ответственности за порученное дело и всем своим острием был направлен против пороков старого строя, пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Тунеядцы, проходимцы, жулики, спекулянты трепетали перед грозной силой народного контроля.

Однако, по мере усиления культа личности Сталина стало уменьшаться значение народного контроля, ограничиваться его деятельность. Как известно, Сталин еще в первые годы Советской власти отрицательно относился к идее народного контроля. Дальнейшему сосредоточению власти в руках Сталина мешал авторитетный и полномочный орган ЦКК — РКИ.

С 30-х годов началось постепенное ограничение функций ЦКК — РКИ, а в 1934 г. Сталин, выступая на XVII съезде партии, предложил упразднить Наркомат РКИ, заменив его просто контролем исполнения решений центра.

С ликвидацией ЦКК — РКИ был серьезно ослаблен партийно-государственный контроль, органы которого стали терять свой массовый характер и превращаться в бюрократический, оторванный от народа аппарат.

Давая оценку извращениям ленинских принципов партийно-государственного контроля в период культа личности, Н. С. Хрущев в докладе на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1962 г. говорил: «Идея контроля в ее ленинском понимании оказалась несовместимой с идеологией культа личности»²⁷.

Историческое значение ноябрьского Пленума ЦК КПСС состоит в том, что он полностью очистил ленинскую идею о народном контроле от бюрократических извращений, связанных с культом личности Сталина.

Созданные по решению Пленума органы партийно-государственного контроля являются прямыми продолжателями славных традиций ЦКК — РКИ на новом историческом этапе. Сочетая в своей работе государственные и общественные начала, они выступают как действенное орудие укрепления социалистической законности, совершенствования государственного аппарата и вовлечения широких трудящихся масс в управление советским общенародным государством в период развернутого строительства коммунизма.

А. Новодворский

ЎЗБЕКИСТОН МАРКАЗИЙ КОНТРОЛЬ КОМИССИЯСИ — ИШЧИ-ДЕҲҚОН ИНСПЕКЦИЯСИНИНГ ФАОЛИЯТИ ТАРИХИДАН

Мақолада социалистик қурилишнинг кўпгина масалаларини ҳал қилишда муҳим роль ўйнаган Ўзбекистон партия-давлат контроль органи Марказий Контроль комиссия — Ишчи-деҳқон инспекциянинг фаолияти (1924—1934) ёритилади. КПСС Марказий Комитетининг ноябрь (1962) Пленуми қарорлари асосида ташкил этилган партия-давлат контроль органлари муваффақият билан ишлаётган ҳозирги кунларда Марказий Контроль комиссия — Ишчи-Деҳқон инспекциянинг бой тажрибасини ўрганиш катта аҳамиятга эгадир.

²⁷ Н. С. Хрущев, Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством, М., Госполитиздат, 1962, стр. 102.

М. М. КУТИНА

ПОМОЩЬ СССР И ДРУГИХ СТРАН СОЦИАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ ИНДИИ

Национально-освободительное движение в молодых суверенных государствах в настоящий период характеризуется стремлением народов этих стран идти по пути упрочения своей независимости и социально-экономических преобразований. Ныне для бывших колоний, подчеркивается в докладе М. А. Суслова на февральском (1964) Пленуме ЦК КПСС, «на первый план выдвигаются такие общенациональные проблемы, как вытеснение иностранных монополий, аграрные преобразования в интересах крестьянства, развитие национальной промышленности прежде всего путем создания государственного сектора...»¹.

На примере стран социализма патриотические силы новых государств справедливо видят в промышленном развитии ключ к экономическому расцвету и экономической самостоятельности.

Лозунг индустриализации служит одним из основных принципов экономической политики и правительства Индии. При этом оно придает особое значение индустриализации государственного сектора, который, по определению Дж. Неру, является «основным, важнейшим, самым выгодным сектором экономики»². Если в 1951 г. общие инвестиции в промышленность государственного сектора составляли около 500 млн. рупий, то в 1960 г. они составили примерно 8,6 млрд. рупий, а в частном секторе — соответственно 7,5 млрд. и 20 млрд. рупий³.

Государственный сектор в экономике Индии создается в основном за счет новых капиталовложений, а также национализации предприятий, принадлежавших колониальным властям, и выкупа некоторых частнокапиталистических предприятий.

Выступая за расширение и укрепление государственного сектора, прогрессивные круги Индии рассматривают его как силу, способную быстро поднять ее экономику как эффективное средство борьбы против иностранных монополий, стремящихся увековечить экономическую отсталость страны.

Следует отметить, что становление государственного сектора в Индии происходит в острой классовой борьбе. Крупные индийские монополисты выступают против развития государственного сектора, который

¹ М. А. Суслов, О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 года, Правда, 3 апреля 1964 г.

² R. J. Venkaterwaran, The Impact of Jawaharlal Nehru on Indian Economy, Calcutta, 1962, p. 15.

³ А. И. Левковский, Особенности развития капитализма в Индии, М., ИВЛ, 1963, стр. 459.

имеет «антиимпериалистическую и объективно антимонополистическую направленность»⁴, ограничивает сферу приложения частных капиталов. Хотя государственный сектор в Индии растет быстрее, чем частнокапиталистическое предпринимательство, позиции местной монополистической буржуазии в экономике страны все еще довольно сильны. Так, 11 крупнейших монополистических групп Индии контролируют свыше $\frac{2}{3}$ всех промышленных и других компаний⁵.

Империалистические круги, стремясь не допустить развития тяжелой промышленности в Индии или хотя бы ограничить индустриализацию страны развитием отраслей легкой промышленности, пытаются сохранить экономическую зависимость Индии от империалистических государств.

Так например, в декабре 1963 г. американский посол в Индии Честер Боулс прочел цикл лекций в Делийском университете, в которых он обрушился с нападками на государственный сектор и, сделав при этом ряд клеветнических утверждений о помощи Советского Союза и лагеря социализма молодой республике, ратовал за укрепление и расширение позиций частного капитала, «как жизненно важного элемента обеспечения адекватной степени экономического прогресса»⁶.

Американские профессора П. Т. Бауэр и Ф. Бенхам также выступили с критикой курса индийского правительства на создание тяжелой промышленности в государственном секторе⁷. Индия, по их мнению, должна расходовать больше средств на сельское хозяйство и образование, а не на развитие металлургии. В своих исследованиях они стараются также всячески извратить значение помощи, оказываемой Индии социалистическими странами.

В борьбе против государственного сектора в Индии империалисты опираются на реакционные силы внутри страны, которые требуют снижения темпов индустриализации и предоставления полной свободы частному капиталу. Однако прогрессивные силы, и прежде всего Коммунистическая партия, высказываются за упрочение национальной экономики, проведение индустриализации страны и расширение государственного сектора. В своей антиимпериалистической борьбе за укрепление экономической самостоятельности и социальный прогресс они опираются на бескорыстную братскую помощь стран социалистического лагеря.

В своей внешней политике Советский Союз и другие социалистические страны руководствуются ленинскими принципами мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г. указывается: «Страны, сбросившие ярмо колониализма, отстаивают завоеванную независимость и борются за достижение экономической самостоятельности, за мир между народами. Существование социалистической системы, помощь, оказываемая этим странам странами социализма на равноправных началах, и сотрудничество между социалистическими странами и ими в борьбе за мир, против агрессии облег-

⁴ В. И. Павлов, Экономическая независимость Индии и американские кредиты, М, ИВЛ, 1960, стр. 27.

⁵ Азия и Африка сегодня, 1962, № 4, стр. 6.

⁶ См. «Правда», 6 января 1964 г.

⁷ F. Benham, Economic Aid to underdeveloped countries. L.—N.-Y, 1961, p. 101, 116; P. T. Bauer, United States Aid and Indian Economic development, Washington, 1959.

чают народам этих стран возможность защиты своей национальной свободы и продвижения по пути социального прогресса»⁸.

Страны великого лагеря социализма оказывают Индии огромную помощь в развитии и становлении национальной промышленности. Во время своего посещения Индии в 1960 г. Н. С. Хрущев говорил: «Нам особенно понятны и близки стремления Правительства Индии создать свою отечественную промышленность... Вот почему мы так охотно помогаем Вам создавать свою собственную промышленность, делимся с Вами своим опытом, делимся материальными возможностями, которыми располагает наша страна. Нам очень приятно сознавать, что мы оказываем Вам посильную помощь в создании индустрии Индии...»⁹.

Как отмечала индийская газета «Нью эйдж», «социалистические страны первыми оказывают нам помощь именно в том секторе, в развитии которого мы больше всего нуждаемся»¹⁰. Об этом же писал журнал «Истерн экономист»: «Вся помощь русских направлена на развитие госсектора. Другим положительным моментом в этой политике помощи является то, что она направлена на развитие основ тяжелой индустрии»¹¹.

Одной из форм экономического сотрудничества социалистических стран с Индией являются долгосрочные (сроком на 8—12 лет) кредиты, предоставляемые на льготных условиях (2,5%). Для сравнения отметим, что западные державы предоставляют Индии кредиты из расчета 3,5%—8,5% годовых¹² сроком на 1—3 года¹³. Как видно из материалов индийской прессы, общая сумма кредитов, выделенная странами социализма для создания независимой национальной экономики Индии, составила к 1962 г. около 4 млрд. 402 млн. рупий¹⁴, в том числе СССР предоставил 3 млрд. 837 млн. рупий¹⁵, Чехословакия — 231 млн. рупий¹⁶, Польша — 143 млн. рупий¹⁷ и Югославия — 190 млн. рупий¹⁸. В отличие от кредитов капиталистических держав кредитные соглашения стран социализма не возлагают на Индию никаких политических и военных обязательств, не содержат каких-либо оговорок, предусматривающих экономические уступки с ее стороны, и направлены главным образом на строительство крупных промышленных объектов.

Создание основ черной металлургии в государственном секторе — одна из первостепенных задач, стоящих перед Индийской Республикой. Строительство государственных металлургических предприятий будет способствовать становлению и развитию других отраслей промышленности, а также существенной экономии валюты.

До 1959 г. черная металлургия Индии была представлена в основном 4 небольшими частными металлургическими заводами. В стране ощущалась острая нехватка стали, которую приходилось ввозить из-за рубежа по очень высоким ценам. После достижения независимости индийское правительство неоднократно делало попытки договориться с

⁸ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., Госполитиздат, 1961, стр. 6.

⁹ Счастье и мир народам! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане 11 февраля — 5 марта 1960 года, М., Госполитиздат, 1960, стр. 40.

¹⁰ New Age, February 3, 1963.

¹¹ The Eastern Economist, June 7, 1963, p. 1201.

¹² Commerce Industry, October 21, 1959, p. 9.

¹³ Indian Export Trade Journal, Annual, 1962, vol. XVI, No 4—6, p. 43.

¹⁴ Commerce Industry, March 14, 1962, p. 5.

¹⁵ Indian Information, March 15, 1961, p. 127.

¹⁶ Major Industries of India, Annual, 1961, p. 59.

¹⁷ Far Eastern Economic Review, December 21, 1961, p. 558.

¹⁸ Commerce Industry, April 9, 1962, p. 11.

фирмами США, ФРГ, Англии о строительстве металлургического завода в Индии, но все они оканчивались неудачей.

Начало создания черной металлургии в государственном секторе Индии было положено в феврале 1955 г., когда было заключено соглашение между СССР и Индией о строительстве металлургического завода в Бхилаи мощностью 770 тыс. т прокатной стали и 300 тыс. т чугуна в год¹⁹. В марте 1962 г. Бхилайский завод уже работал на полную проектную мощность.

Н. С. Хрущев образно назвал завод в Бхилаи «символом советско-индийской дружбы». Отмечая огромное значение строительства этого завода, орган Коммунистической партии Индии газета «Нью эйдж» писала, что «Бхилаи дал возможность Индии заставить западные державы признать тот факт, что Индия будет создавать свою тяжелую промышленность»²⁰.

Боясь потерять свои позиции в Индии, западноевропейские монополии вынуждены были также пойти на строительство в Индии государственных металлургических предприятий: Западная Германия построила завод в Роуркеле, а Англия — в Дургапуре. Однако как английские, так и западногерманские фирмы сорвали сроки ввода заводов в строй и достижения их проектной мощности. В то время как завод в Роуркеле только за один год работы принес 9 млн. рупий убытка, завод в Бхилаи дал 300 тыс. рупий прибыли²¹.

Даже реакционный журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» вынужден был признать, что «русские построили лучший завод в индийской металлургической промышленности; Бхилайский завод намного опередил металлургические заводы, строящиеся с помощью Западной Германии и Англии»²².

В целях дальнейшего расширения производственной базы черной металлургии правительство Индии обратилось к США за помощью в строительстве четвертого металлургического завода — в Бокаро (штат Бихар) общей мощностью 1 млн. т. Однако США всячески затягивали «изучение» проекта строительства этого завода, которое заняло больше времени, чем все строительство Бхилайского металлургического завода²³.

После того как американцы по сути дела отклонили просьбу Индии, правительство решило построить завод в Бокаро собственными силами. По этому поводу журнал «Истерн экономист» писал: «Мы будем иметь металлургический завод в Бокаро и без американской помощи»²⁴.

К концу 1966 г. Индия намерена с помощью Чехословакии закончить сооружение крупного металлургического завода в штате Бихар, а также чугунолитейного завода мощностью 75 тыс. т в год. В сотрудничестве с Польшей Индия построит медеплавильный завод и завод легированных сталей. Так с помощью стран социализма в Индии закладывается мощный фундамент металлургической промышленности.

Большую помощь оказывают страны социализма в развитии машиностроительной промышленности Индии. В период выполнения третьего пятилетнего плана (1961—1966) с помощью СССР будут сооружены заводы тяжелого машиностроения и горношахтного оборудования, а

¹⁹ The Eastern Economist, January 5, 1962, p. 122.

²⁰ New Age, June 16, 1963.

²¹ Новое время, 1961, № 28, стр. 21.

²² The New-York Times Magazine, June 17, 1962, p. 54.

²³ См. «Правда», 6 января 1954 г.

²⁴ Д. Л а т ф и, Индия и помощь США, М., ИВЛ, 1961, стр. 11.

при содействии ГДР — машиностроительный завод. Эти три завода явятся первыми предприятиями данного профиля в государственном секторе Индии. Польша и Чехословакия также подписали с индийским правительством соглашение о строительстве четырех новых государственных машиностроительных заводов²⁵. В настоящее время СССР, Чехословакия и Венгрия содействуют Индии в сооружении 5 заводов тяжелого электрооборудования, а ГДР, Польша и Чехословакия — в строительстве 3 крупнейших станкостроительных заводов. Пуск в эксплуатацию предприятий тяжелого машиностроения позволит молодому государству производить капитальное оборудование для развивающейся промышленности и сократить ввоз машин и оборудования из-за границы.

Страны социалистического лагеря активно помогают Индии и в создании национальной нефтяной промышленности. До недавнего времени вся индийская нефтеперерабатывающая промышленность находилась в руках английских и американских монополий. Американские специалисты неоднократно утверждали, что в недрах Индии нет нефти. Однако с помощью советских и румынских геологов в Индии было открыто 8 нефтяных и газовых полей²⁶. В настоящее время с помощью СССР и Румынии здесь строится 3 государственных нефтеперерабатывающих завода, пуск которых позволит индийскому правительству сократить закупки нефти у иностранных монополий, сэкономить миллионы рупий и направить их на строительство новых промышленных объектов²⁷.

Широкую и всестороннюю помощь оказывают Индии социалистические страны и в развитии других отраслей промышленности. Так, Советский Союз строит в Индии 7 электростанций общей мощностью около 1,9 млн. квт, 3 фармацевтических завода и другие предприятия, а всего с помощью СССР в Индии сооружается 32 промышленных объекта²⁸.

Чехословакия построит в Индии 3 сахарных, 2 цементных, 3 керамических завода, шинный завод, обувную и кожевенную фабрики, абразивный завод, завод по производству паровых котлов и ряд других объектов.

Румынское правительство подписало соглашение о строительстве химического завода и предприятия по производству оборудования для электростанций.

Венгрия участвует в строительстве предприятий по производству химического оборудования, электрокабеля, фармацевтических препаратов, подъемных кранов, лебедок, а также паровозостроительный и алюминиевый заводы.

Польша оказывает помощь Индии в сооружении вагоностроительного завода, пяти сахарных заводов в Ассаме и Мадрасе.

Экономическая помощь социалистических стран Индии является примером практического осуществления принципа мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем.

Н. С. Хрущев, выступая на приеме в индо-советском обществе культурных связей в Бомбее, подчеркнул: «Если требуется классический образец сосуществования, то такой образец дают наши отношения с Индией. Мы не только сосуществуем, но и дружим, несмотря на раз-

²⁵ См.: *Industrial India*, 1960, vol. XI, No 3, p. 63; *Far Eastern Economic Review*, April 20, 1961, p. 145.

²⁶ *The Eastern Economist*, June 7, 1963, p. 1187.

²⁷ См.: *The Hindu Weekly Review*, July 8, 1963; *Eastern World*, July, 1962, p. XVIII.

²⁸ *The Eastern Economist*, June 7, 1963, p. 1187.

личие политических воззрений в ряде вопросов. Основа этой дружбы — наша совместная борьба за мир»²⁹.

Бескорыстная дружественная помощь СССР и других государств социалистического лагеря играет важную роль в экономическом развитии Индии, способствует быстрейшему преодолению технико-экономической отсталости и подъему производительных сил страны, укреплению ее национальной независимости.

М. М. Кутина

СССР ВА БОШҚА СОЦИАЛИСТИК МАМЛАКАТЛАРНИНГ ҲИНДИСТОН САНОАТИНИ РИВОЖЛАНТИРИШДАГИ ЁРДАМИ

Мақолада совет ва чет эл манбаларидан олинган конкрет мисолларда СССР ва улур социализм лагеридаги бошқа мамлакатларнинг Ҳиндистон республикаси саноатини ривожлантиришда бераётган дўстона беғараз ёрдами кўрсатилади. Бу ёрдам Ҳиндистоннинг техник-иқтисодий қолоқлигини тугатишда, унинг экономикаси ва сиёсий мустақиллигини мустаҳкамлашда муҳим роль ўйнайди.

²⁹ Миссия дружбы, вып. I, М., Госполитиздат, 1956, стр. 81.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что необходимым условием социалистического переустройства советской деревни, возникновения и развития в ней новых производительных сил является перевод сельского хозяйства страны на базу передовой машинной техники. Только переход «к крупному коллективному машинному земледелию», указывал В. И. Ленин, обеспечивает «повышение производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда»¹.

Особенно важное значение имело осуществление глубокой технической революции в сельском хозяйстве таких ранее отсталых районов страны, как Узбекистан, где даже к моменту образования Узбекской ССР (1924 г.) в земледелии продолжали господствовать старые, средневековые орудия труда — омач, мала, кетмень и урак. На такой «технической базе» невозможно было обеспечить ликвидацию вековой отсталости узбекского кишлака и перевод его на рельсы социализма.

Претворяя в жизнь мудрый ленинский кооперативный план, руководствуясь ленинскими принципами национальной политики и опираясь на успехи социалистической индустриализации страны, Коммунистическая партия и Советское государство уделяли огромное внимание техническому перевооружению сельского хозяйства Советского Узбекистана. Уже в 1927/28 г. ввоз плугов в Узбекистан, по сравнению с 1925 г., увеличился в 3,3 раза, борон и сенокосы — в 4,6 раза, культиваторов и окучников — в 3,8 раза².

Однако основная масса дехкан продолжала обрабатывать землю старыми дедовскими орудиями труда. Так, в среднем на один плуг в целом по УзССР приходилось 26 омачей, в том числе в Ташкентской области — 8,5, в Ферганской — 55, Самаркандской — 165, Зеравшанской — 168, Хорезмской — 370, а в Кашкадарьинской области — 1190 омачей³.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 138.

² История народного хозяйства Узбекистана, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 154.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-88, оп. 1, д. 2620, л. 106—109.

Наибольшим распространением нового инвентаря отличались районы Ташкентской и Ферганской областей, испытывавшие непосредственное влияние Узбекской опытной станции, опытного хозяйства «Капланбек», Ферганской опытной станции и т. д. Новый инвентарь поступал здесь прежде всего в хлопководческие хозяйства. Что же касается более отдаленных областей со слабо развитым хлопководством, то в них (особенно в районах Кашкадарьинской области) имелось еще очень незначительное количество европейского инвентаря.

Дальнейшему вытеснению старых орудий труда новым инвентарем способствовало принятие Постановления СТО (Совет труда и обороны) СССР 12 июня 1928 г. «О полной замене сохи плугом в трехлетний срок».

Особое внимание уделялось тракторизации сельского хозяйства. XV Пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) (февраль 1928 г.) и II Пленум ЦК КП(б)Уз (февраль-март 1928 г.) поставили перед парторганацией республики ответственную задачу — всемерно содействовать применению тракторов в сельском хозяйстве⁴.

Первые группы тракторов были завезены в Среднюю Азию в 1923 г., а их использование в Узбекистане началось с 1924 г. Но до 1926 г. тракторное хозяйство не было сосредоточено в одних руках: машины использовались в отдельных кооперативных товариществах, колхозах, хлопковых семхозах, на хлопкозаводах и т. д. Наконец, в июне 1926 г. был создан Тракторо-промхоз Главхлопкома, в ведение которого было передано растущее тракторное хозяйство республики. Количество тракторов в УзССР увеличивалось из года в год, что видно, например, из данных табл. 1⁵.

⁴ См. «Резолюция и постановления XV Пленума Средазбюро ЦК ВКП(б) 6—9 февраля 1928 г., Ташкент, 1928, стр. 6; Подготовка условий сплошной коллективизации в Узбекистане (1927—1929). Сборник документов, Ташкент, Изд-во АН УзССР, стр. 50.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 8, д. 310, л. 42.

В то же время большое внимание уделялось и применению в дехканском хозяйстве усовершенствованных европейских конных орудий. По данным Средазсельхозснаба, в 1928/29 г. в УзССР было реализовано 32 667 плугов (в переводе на однокорпусные), 21 468 борон, 7426 хлопковых сеялок, 6713 культиваторов, а в 1929/30 г. — 55 060 плугов, 44 842 бороны, 21 963 хлопковые сеялки, 26 392 культиватора и т. д.⁶ К началу 1930 г. обеспеченность дехканских хозяйств орудиями производства, по сравнению с 1925 г., возросла в 2,6 раза, а плугами, боронами и хлопковыми сеялками — почти в 6 раз⁷. Только в 1929 г. в УзССР было завезено около 300 тракторов и

совместного и рентабельного использования имеющегося инвентаря и конного тягла.

В начале 1927 г. в Узбекистане по примеру РСФСР стали создаваться машинные товарищества, обладавшие конным европейским инвентарем, тракторами и прицепными орудиями к ним. Такие товарищества, организованные за счет государственных кредитов, появились в Самаркандской, Ташкентской, Ферганской и Зеравшанской областях. Им было передано 114 тракторов из ведения Наркомзема УзССР и 88 тракторов из оргземов. В соответствии с постановлением СНК СССР от 15 мая 1928 г. колхозы УзССР получили в 1929 г.

Таблица 1

Марка трактора	Ввоз тракторов в УзССР по годам						
	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
„Путиловец“						82	181
„Интернационал“						18	101
„Формол“						—	16
„Фордзон“	17	84	209	320	79	91	—
Итого	17	84	209	320	79	191	298

25 тыс. плугов⁸. Вместе с тем рос выпуск сельскохозяйственных орудий на заводах им. Ильича (Ташкент), «Дехканин» (Самарканд), началось строительство завода «Ташсельмаш», увеличивалось количество механических ремонтных мастерских⁹.

В республике была создана широкая сеть прокатных пунктов, машинно-конных станций, машинных товариществ, тракторных колонн, агрономических пунктов, которые помогали трудящимся дехканам овладевать усовершенствованным европейским инвентарем и машинами, новыми приемами агротехники. Прокатные пункты в Узбекистане стали возникать еще до земельно-водной реформы. В 1925 г. в УзССР было 48, а в 1929/30 г. — 387 прокатных пунктов¹⁰. Каждый из них располагал в среднем 5 конными плугами, 4 боронами, 4 хлопковыми сеялками, 4 культиваторами, 3 окучниками, а также 10 лошадьми. Эти пункты обслуживали маломощные хозяйства на льготных условиях. Машинно-конные станции были организованы в 1930 г. в связи с ростом колхозного движения для

327 тракторов, принадлежавших ранее Наркомзему и хлопковым организациям¹¹. Летом 1929 г. ими было вспахано около 25 тыс. га колхозных полей¹².

Немалых успехов в тракторизации сельского хозяйства республики добились и тракторные отряды. Весной 1928 г. в УзССР работало 11 таких отрядов, имевших в своем составе 446 тракторов «Фордзон». В Ферганской долине и других районах республики они обслуживали 113 хлопковых товариществ, объединявших около 30 тыс. дехканских хозяйств. Только в Ассаке тракторами были обслужены поля 5535 хозяйств — 6 тыс. га, или 30% всей посевной площади района¹³. В 1927 г. с помощью тракторов в УзССР было выполнено 1,7% общего объема вспашки под хлопок, в 1929 г. — около 10%, а в 1930 г. — 12%¹⁴.

Десятки хлопководческих товариществ, применяя в своих хозяйствах европейский сельскохозяйственный инвентарь, достигли существенных успехов. Среди них можно назвать Харгушское хлопководческое товарищество Старобухарского района, хлопководческое товарищество «Намуна» Риш-

⁶ Средняя Азия в цифрах, Статистический сборник, Ташкент, 1931, стр. 75.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-88, оп. 1, д. 2620, л. 106; ф. Р-382, оп. 1, л. 1432, л. 19—27.

⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 5, л. 15, л. 26.

⁹ В 1929 г. в УзССР насчитывалось 36 тракторных ремонтных мастерских и более 200 мастерских по ремонту сельхозмашин.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 1, д. 32, л. 37.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-295, оп. 1, д. 96, л. 1.

¹² Народное хозяйство Средней Азии, 1929, № 12, стр. 68.

¹³ Машина в деревне, 1928, № 7, стр. 56—57; За партию, 1928, № 3 (7), стр. 86.

¹⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 3, д. 249, л. 35—38; Узбекистанская правда, 10 июля 1930 г.

танского района и многие другие коллективы. Например, товарищество «Намуна» в 1927 г. приобрело 1 трактор, 36 различных машин, борон, плуги и, используя их, получило за год 2698 руб. прибыли¹⁵.

Тракторные колонны, прокатные пункты, машинные товарищества объединяли вокруг себя бедняцко-батрацкие массы кишлака, пропагандировали передовую агротехнику и убедительно показывали преимущества социалистического способа хозяйства. Они активно способствовали изобавлению кишлачной бедноты от байскоулацкой кабалы и подготовке дехкан к переходу к коллективным методам труда.

Однако эти формы использования машинной техники еще не могли стать той новой материально-технической базой, которая была необходима для коллективизации сельского хозяйства. Во-первых, тракторное хозяйство до начала массовой коллективизации было предназначено для обслуживания не только коллективных хозяйств, но и единоличников, не имевших орудий производства. Во-вторых, трактора тогда были распределены в основном в землеустроенных районах и районах специально подготовленными для тракторной обработки хлопковыми полями.

В-третьих, имевшиеся в республике трактора были распределены между различными организациями, которые использовали их по своему усмотрению. Так, в 1929 г. хлопковая кооперация имела в своем распоряжении 416 тракторов, сельскохозяйственная кредитная кооперация — 63, Семтрест и Семхлопок — 251 трактор и т. д.

В-четвертых, эти маломощные трактора (почти исключительно типа «Фордзон») использовались в основном лишь на вспашке хлопковых полей. Уровень механизации остальных работ был еще очень низким. Например, в 1929 г. 77,1% общего объема работы тракторов составляла пахота, 4,6% — боронование, 11,5% — транспортирование, 2,2% — стационарные работы, 5% — прочие работы и холостой пробег¹⁶. К тому же не хватало и прицепного оборудования для механизации различных процессов сельскохозяйственного производства. Так, в 1929 г. на 1198 тракторов имелось 1275 плугов, 213 дисковых борон и 94 сеялки¹⁷.

С 1929 г. в нашей стране, в том числе в Узбекистане, разворачивается сплошная коллективизация сельского хозяйства, успешное осуществление которой требовало создания новой, прочной материально-технической базы для социалистического преобразования деревни. Такой базой и явились машинно-тракторные станции. Строительство МТС означало глубочайшую техническую революцию в сельском хозяйстве страны, ликвидацию его вековой отста-

лости. Первые МТС в УзССР появляются еще в 1929 г., а к 1934 г. 96 МТС обслуживали 67,1% колхозных посевов всех хлопковых районов республики.

Успехи социалистической индустриализации, быстрое развитие сельскохозяйственного машиностроения в СССР обеспечивали неуклонный рост механизации сельского хозяйства страны. Рост технической оснащенности сельскохозяйственного производства УзССР в годы первой и второй пятилеток характеризуется данными табл. 2¹⁸.

В 1934 г. на колхозных полях Узбекистана работало 201 553 конных плуга, 74 739 конно-хлопковых сеялок, 85 567 культиваторов и т. д.¹⁹ И если в 1928 г. омычом было вспахано 81% всей площади хлопковых посевов республики, то в 1933 г. доля земель, вспаханных омычом, составляла в колхозах 42%, а в совхозах — 28%²⁰. Уровень механизации пахотных работ на хлопковых полях УзССР достигал в 1931 г. 22%, в 1932 г. — 28,9%²¹, в 1935 г. — 39%, а в 1936 г. — 65%²².

В эти же годы трактора стали применяться на севе и междурядной обработке хлопчатника. В 1933 г. в колхозах УзССР удельный вес тракторных работ на пахоте составлял 32,9%, а на севе — 0,22%, на культивации — 0,2%²³, а в совхозах — соответственно 100, 75 и 48%²⁴.

VI съезд Компартии Узбекистана (январь 1934 г.) поставил перед партийными организациями республики задачу — добиваться решающей победы в механизации хлопководства²⁵. В 1934—1937 гг. техническая реконструкция сельского хозяйства страны, в том числе Узбекистана, получает особенно широкий размах. За эти годы сельское хозяйство республики получило большое количество новых тракторов и прицепного оборудования, предназначенного для механизации основных производственных процессов хлопководства. Только «Ташсельмаш» выпустил 5 марок тракторных сеялок²⁶. Многие старые малосильные трактора были заменены новыми мощными машинами отечественного производства — СТЗ, ХТЗ, ЧТЗ и др. С 1930 по 1936 г. количество пропашных тракторов в республике увеличилось в 30 раз²⁷.

¹⁸ Таблица составлена автором по материалам ряда центральных и местных архивов.

¹⁹ Коммунист, 1936, № 1, стр. 39.

²⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 9, д. 636, л. 4.

²¹ Там же, л. 3.

²² Там же, оп. 12, д. 1718, л. 35.

²³ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 14, д. 378, л. 20.

²⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 27, д. 56, л. 54.

²⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 10, д. 3, л. 439.

²⁶ Там же, оп. 12, д. 1609, л. 1.

²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 488, л. 24.

¹⁵ Газ. «Камбагал», 30 марта 1928 г.

¹⁶ Народное хозяйство Средней Азии, 1929, №12, стр. 68.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 8, д. 310, л. 43.

С 1935 по 1937 г. основные фонды МТС и колхозов УзССР возросли в расчете на 1 колхоз почти вдвое, на одного трудоспособного колхозника — на 38% и на 1 га колхозных посевов — на 44,2%, а удельный вес механических двигателей в составе энергетических ресурсов повысился с 29 до 60,3%²⁸.

С 1931 г. в колхозах республики все шире применяются тракторный сев и культивация хлопчатника. В 1933—1936 гг. велись опытные работы по перекрестной машин-

сезон 38 га, то в 1936 г. — 295 га³⁰. За это время объем механизированных работ в колхозном хлопководстве увеличился: по пахоте в 2 раза, по севу — в 5 раз и по культивации — в 18 раз³¹. К концу второй пятилетки были успешно освоены механизированный сев и междурядная обработка хлопчатника. В 1937 г. механизация вспашки хлопковых полей составила 68,6%, сева — 42,2% и культивации — 39,4%.

Трактористы республики, охваченные широким социалистическим соревнованием, по-

Таблица 2

Показатели	Г о д ы						
	1930	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Число МТС	29	67	78	96	112	138	163
Количество тракторов, шт.	2106	2899	4335	8250	12298	14589	18267*
Общая мощность, тыс. л. с.	27,2	41,9	64,3	117,7	181,8	203,0	261,0
Комбайны	4	—	33	—	—	1080	1170
Тракторные плуги	1973	—	—	7064	—	—	12803
Тракторные сеялки зерновые	150	—	—	764	—	—	1983
Тракторные сеялки хлопковые	20	—	—	305	941	2337	5568
Тракторные культиваторы	28	—	—	544	1362	3085	6000

*Кроме того, в начале 1937 г. в совхозах УзССР имелось 3667 тракторов.

ной культивации хлопчатника на Аккавакской опытной станции, Бухарской зональной станции, Шахриябзском, Хивинском, Гурленском, Пскентском, Старобухарском, Ленинском (Андижанская область), Акмалабадском (Ферганская область), Сурхандарьинском опорных пунктах, а также в совхозах «Дальверзин» и «Баяут». Эти опыты дали положительные результаты: урожайность хлопчатника повысилась на 10—15%, а затраты ручного труда снизились на 30—40%. В 1936—1937 гг. этот способ был распространен по всем районам республики.

В 1936 г. на хлопковых полях Узбекистана работало 14 589 тракторов и 3085 тракторных сеялок²⁹. Тракторами было засеяно 220 000 га, а план междурядной тракторной обработки хлопчатника был перевыполнен на 150%. Если в 1935 г. одним «Универсалом» было прокультивировано за

казывали образцы высокой производительности труда и отличного качества полевых работ. Своим самоотверженным трудом они активно содействовали подъему хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, прочно ставшего на рельсы колхозного строя.

Таким образом, уже в годы первой и второй пятилеток в нашем сельском хозяйстве происходит подлинная техническая революция, в результате которой была создана прочная материально-техническая база социализма в деревне. Сельское хозяйство СССР, в том числе Узбекистана, стало самым крупным механизированным сельским хозяйством в мире. Было ликвидировано резкое несоответствие в характере производительных сил и уровне технической вооруженности труда в сельскохозяйственном и промышленном производстве.

С тех пор прошло около тридцати лет. За это время, особенно после сентябрьско-

²⁸ История народного хозяйства Узбекистана, т. I, стр. 292.

²⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 4, д. 435, л. 66; Коммунист, 1936, № 7, стр. 1; Пахта учун кураш, 1936, № 5, стр. 20.

³⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 7487, оп. 4, д. 435, л. 65—66; Пахта учун кураш, 1936, № 8, стр. 90—95.

³¹ Партгархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 12, д. 1604, л. 58—59.

го Пленума ЦК КПСС 1953 г., в нашем сельском хозяйстве произошли большие изменения. Оно значительно выросло, окрепло, оснастилось новой, современной техникой. Уже на 1 июля 1962 г. в сельском хозяйстве Узбекистана работало почти 80 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), 11 тыс. хлопкоуборочных машин, 3289 зерновых комбайнов и т. д.³² В 1964—1965 гг. сельское хозяйство республики должно получить еще 22 тыс. тракторов, 11 тыс. навесных хлопкоуборочных машин, 1650 экскаваторов, 3040 скреперов, 1500 бульдозеров и много других машин, механизмов и транспортных средств³³.

Крупные успехи достигнуты и в области механизации самого трудоемкого процесса — уборки урожая хлопка-сырца. В 1963 г. механизаторы республики сняли машинами 577 тыс. т «белого золота». В текущем году объем машинной уборки хлопка дол-

жен составить не менее 750 тыс. т, а в 1965 г. — 1 млн. т, причем почти весь урожай будет доставлен на заготпункты бестарным способом³⁴.

Новые захватывающие перспективы открываются перед сельским хозяйством СССР в свете исторических решений декабрьского (1963) и февральского (1964) Пленумов ЦК КПСС. Благодаря огромной заботе Коммунистической партии и Советского государства сельское хозяйство нашей страны, в том числе Узбекистана, прочно становится на рельсы комплексной механизации, химизации, электрификации как важнейших факторов дальнейшей интенсификации и крутого подъема всех отраслей сельскохозяйственного производства на современном этапе развернутого строительства коммунизма в СССР.

Х. Азимов

К ПРОБЛЕМЕ ИСКУССТВА СЕВЕРНОЙ ПАРФИИ И СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ*

Археологические исследования европейско-африкано-азиатского узла достигли ныне такого уровня, когда изучение античной культуры, понятие которой прежде суживалось рамками греко-римского мира, уже немислимо вне истории забытых цивилизаций тех огромных этнических массивов и великих государственных образований Среднего и Ближнего Востока, с которыми греко-римский мир эпохи эллинизма вступил в самый тесный контакт.

Работы Южно-Туркменстанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР, систематически осуществляемые в послевоенные годы в областях Северной Парфии, а также начатые с 1959 г. исследования Искусствоведческой экспедиции Института искусствознания Академии наук Узбекской ССР в районах, некогда входивших в пределы Бактрии — Тохаристана, приоткрыли новую главу истории художественной культуры этих малоизвестных территорий.

Исследования Нисы — главного города области Парфияна, первой резиденции Аршакидов и места захоронения старших представителей этой династии — позволяют судить о характере той парфянской культуры, которая формировалась не в ближневосточном греко-семитском русле, а в коренной парфянской среде. Особенно большой и разнообразный материал принесли раскопки городища Старая Ниса, «царского заповедника», древнее название которого — Митридатокерт — начертано на одном из найденных здесь многочисленных парфянских остраконов. Основанный при Митридате I (171—138 гг. до н. э.) город был обнесен мощными крепостными сте-

нами и включал в себя своеобразные по архитектуре храмы, дворец, хранилища реликвий, винные склады и т. п. Развалины города сохранили богатый материал, характеризующий раннепарфянское изобразительное и прикладное искусство, в том числе великолепные ритоны из резной слоновой кости, мраморную и глиняную скульптуру, серебряные и бронзовые изделия.

Другой объект исследования — городище Халчаин — представляет собой остатки крупного античного города, расположенного на берегах Сурхандарьи, в самом центре той области, которая в средневековье именовалась Чаганианом, а в античную пору входила в состав Бактрии — Тохаристана. Город имел хорошо укрепленную цитадель, вне которой простиралась регулярная застройка. Особый интерес вызывает небольшое здание (начало I в. н. э.), прямоугольное в плане, с четырехколонным портиком, продолговатым залом и группой подсобных помещений. Здесь обнаружена сброшенная наземь глиняная окрашенная скульптура очень высокого художественного значения.

В последних веках до и первых веках нашей эры формирование централизованных монархий, возрастающая роль городских сословий, религиозный синкретизм накладывают отпечаток на общий ход развития среднеазиатской художественной культуры, которая уже на своем начальном этапе порывает со скрывающимися традициями восточно-деспотического мышления. И в этом немалую роль сыграло приобщение среднеазиатской культуры к высоким достижениям эллинистической цивилизации. Процесс восприятия эллинистической культуры лучше прослеживается на произведениях, отвечавших запросам «филэллинствовавшей» аристократической среды, нежели в массовом искусстве. В меньшей ме-

³² Ежегодник БСЭ, 1963, стр. 172.

³³ Правда Востока, 28 декабря 1963 г.

* Из доклада, прочитанного автором на VIII Международном конгрессе классической археологии (Париж, сентябрь 1963 г.).

³⁴ Там же.

ре он запечатлен в архитектуре, обычно тесно связанной с местными конструктивно-техническими приемами и планировочно-композиционными решениями, и в большей степени — в сфере монументальных и «малых» изобразительных искусств. Но во всех случаях усвоение уроков эллинизма проходит, как правило, сквозь призму местного формотворчества, которое, в конечном счете, и определяет собою черты самобытности собственно парфянской и бактрийской художественной культуры. Тезис этот может быть подкреплен некоторыми конкретными примерами.

Образ Афины проникает на Средний Восток еще при Александре Македонском. Известно, что во время похода в Индию на пути следования македонских войск был установлен алтарь Афины Прониой. В эпоху эллинизма, в период неугасающих войн и политического соперничества, изображения богини-воительницы, покровительницы городов и носительницы государственной мудрости, широко распространяются на Переднем и Среднем Востоке. Скульптурные изображения Афины, выполненные в чисто азиатской традиции, отмечены археологами и в парфянском, и в бактрийско-кушанском мире (Нихавенд, Ниса, Беграм).

Наряду с этим в Парфии и Бактрии протекает процесс художественной трансформации данного образа. В изображении Афины на ритонах из Старой Нисы исходный греческий прототип несомненен, но резчик вводит в него существенные модификации. И дело не только в появлении таких деталей, как азиатский панамообразный шлем или браслеты у предплечья, чуждые строгой дочери Зевса, но прежде всего в трактовке лица, следующей не греческому, а чисто восточному идеалу «луноликой» красавицы. Именно этот, переработанный еще в раннепарфянском искусстве образ оказал влияние на облик позднепарфянской статуи богини Аллаты из Хатры.

Афина нередко фигурирует на монетах греко-бактрийских царей (от Диодота до Аминтаса), а затем в чекане индо-парфянских царей (от Азеса I до Гандофара). Здесь она предстает как богиня-воительница, движущаяся в стремительном шаге с воздетым оружием (повторяя традиционную иконографию Афины — *Alkis*), реже — как богиня мира с пальмовой ветвью в руке. Особняком стоит одна из групп монет Менаандра с профилем Афины, наделенным чертами жены Менаандра — Агафоклея, имя которой приведено с титулом *теотролос* — «богоподобная». По-видимому, подобное смещение царского и божественного образа, характерное для эллинистического Востока, отражено и в пристенной статуе Афины из Халчаяна. В одеянии ее — ряд своеобразных деталей: бактрийский шлем, плотное платье с узорными рукавами. Но особенно характерно лицо, далекое от традиционного типа Паллады: нет в нем ни величия, ни мудрости, ни мужественной

силы. Выражение лица женственно-мягко, черты его мелки, очень обыденны и вместе с тем столь индивидуальны, что есть все основания полагать, что бактрийский ваятель придал Афине реальное портретное сходство с одной из представительниц местной чаганианской династии.

Халчаянское изображение Афины — это промежуточное звено в развитии и локальном осмыслении скульптурного образа, окончательное и уже чисто индийское воплощение которого даст известная «Афина из Лагора» Гандхарской школы.

Столь же характерна и эволюция образа Ники. Традиционная иконография ее, издавна разработанная в греческом искусстве, где богиня предстает в виде парящей крылатой девушки в развевающихся одеждах с венком или пальмовой ветвью в протянутой руке, входит в бактрийскую пластику без каких-либо существенных изменений. На одной из горельефных композиций Халчаяна сохранился небольшой бюст Митры (или Аттиса?), голова величавого мужа и фигурка парящей Ники. Попутно отметим, что оба мужских изображения находят себе близкие параллели среди головок на карнизах нисийских ритонов. Что касается Ники, то позиция ее явно указывает на взаимоотношение с какой-то другой, несохранившейся фигурой. Само изображение Ники здесь вполне традиционно, но смысл его сразу меняется, если предположить участие богини в какой-то композиционной сцене. К такому выводу можно прийти на основании найденного при раскопках круглого terra-cotta медальона, где представлены восседающий на зооморфном троне государь в остроконечном «скифском» головном уборе, стоящий по правую руку от него наследник или везир и парящая сверху Ника, венчающая царя. Греческая концепция богини здесь меняется в своем существовании: героический образ победы преобразуется в атрибут власти, фигурка Ники воспринимается как очень органическое, но второстепенное дополнение к основным участникам этой сцены царской славы, которая, кстати говоря, предвозвещает одну из распространеннейших композиций так называемого «сасанидского искусства».

Иное дело, когда мастер концентрирует внимание на персонализации Ники, как мы это видим на серебряной с позолотой бляхе Эрмитажа. Здесь бактрийский тореут, как и ваятель халчаянской Афины, придает крылатой богине (Ника-Хванинда) явное портретное своеобразие, избрав моделью живое, глубоко индивидуальное в своей неповторимой прелести лицо.

Резчики нисийских ритонов и халчаянские скульпторы оперируют более свободно и уверенно, когда, отвлекаясь от цикла греческих сюжетов, они используют мотивы чисто восточного происхождения. Среди завершающих ритоны скульптурных фигур характерен образ иранского крылатого львогрифона в позе прыжка, словно сошедшего с ахеменидских изделий, но в чисто

античном, пластически жизненном воплощении формы. Исключительно оригинален человекобык с юношеским лицом и протомой могучего быка, видимо, Гопатшах авестийских сказаний. И даже такому чисто греческому художественному образу, как кентавр, мастера, очевидно, преломляя его через местный мифологический фильтр, придают необычную для кентавра деталь — крылья, усиливающие общую динамическую устремленность фигуры.

Таким образом, изобразительное искусство Северной Парфии и Северной Бактрии (т. е. коренных парфянских и бактрийских земель), даже обращаясь непосредственно к эллинистическому источнику, идет по пути не чисто внешней подражательности, а его переосмысления. Оно вбирает внутреннее существо эллинистического искусства с его повышенным интересом к индивидуальному «я», но преломляет его через собственный взгляд на человеческую личность. Это особенно наглядно проявляется в тех глиняных статуях Халчаяна, которые не связаны с каноническими образами греческой пластики.

Видное место в составе этой скульптуры занимают портретные изображения царей, цариц, воинов и т. п. Характерно, что ни одно лицо не повторяет здесь другого. Скульптура Халчаяна не только воссоздает этнический типаж, но и передает целую галерею характеров. Достаточно сопоставить, скажем, головы двух воинов в одинаковых шлемах: лицо одного несет печать достоинства, благородства и вместе с тем какой-то затаенной печали; лицо другого исполнено бешеной энергии и необузданных страстей. Тщетно искать для них прямые параллели в мировом искусстве (хотя первый воин отдаленно напоминает перса на «Саркофаге Александра»). А между тем перед нами — плод зрелой художественной концепции и высокого мастерства. Скульптура Халчаяна — это не удача гени-одиночки, а след большой еще почти неизвестной школы бактрийского ваяния в областях правобережной Бактрии — Тохаристана.

Развитие этой школы протекало в исторически смутный период, наступивший вслед за падением Греко-Бактрийского царства и скифскими вторжениями, когда области Бактрии вошли в состав юеждийских и индо-парфянских владений.

Памятники бактрийского и восточно-парфянского искусства обнаруживают в эту пору большую стилистическую общность. Достаточно сопоставить некоторые женские образы нисийских ритонов с горельефной полуфигурой девушки-лютнистки из Халчаяна, чтобы убедиться в удивительном сходстве их лиц: округлый очерк, с крутым подбородком и дугообразными бровями, характерная прическа, уложенная пышными прядями валиком вокруг начельного обруча, наконец, само мягкое, задумчивое выражение этих лиц. Вполне очевидна также совершенно негреческая, самобытная основа этих образов. Вместе с тем они несомненно служат прообразом таких изваяний кушанской эпохи, как музыкантши Айртамского фриза или лютнистка из Свата (ныне находящаяся в Пешаверском музее).

Связь халчаянской скульптуры с парфянским художественным кругом подтверждается уже тем, что в состав этой скульптуры входит голова парфянского царя. По форме подстрижки рыжеватых усов, бороды, волос, перетянутых диадемой, она исключительно близка к портретам парфянских правителей на аршакидских монетах, а тонкие черты худощавого лица явно портретны, приближаясь к образу Фраата IV на монетах.

Таким образом, искусство II—I вв. до н. э. северных областей Парфии и Бактрии предстает не как «отблеск греко-римской цивилизации в периферийных культурах», а как яркое порождение собственной античной художественной культуры. Во многом обязанное своим формированием контактам с греко-римской цивилизацией, оно вместе с тем носит черты большой самобытности, собственного эстетического мировоззрения. На этом раннем этапе в нем еще не чувствуется какого-либо воздействия индийского мира, которое столь отчетливо предстанет в эпоху Кушан. Более того, в насчитывающей уже долгую историю дискуссии о художественных истоках Гандхарской школы ваяния, которую одна группа ученых рассматривает как плод индо-греческого, а другая — индоримского синтеза, ныне получает реальную основу вопрос о бактрийском и парфянском творческом вкладе.

Г. А. Пугаченкова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, в нашей лексикографии еще совсем недавно наблюдалось сильное отставание теории от практики. Выступая в апреле 1952 г. на первом Всесоюзном лексикографическом совещании, акад. В. В. Виноградов отмечал, что советская лексикография добилась значительных успехов, но еще не располагает обобщающи-

ми теоретическими трудами. Широко задуманный, но не заверченный «Опыт общей теории лексикографии» Л. В. Щербы был тогда единственной крупной работой по теории лексикографии.

С тех пор в развитии лексикографической теории произошли большие сдвиги, однако в отдельных ее областях по-преж-

нему ощущается серьезное отставание. Слабо разработаны и многие вопросы теории узбекской лексикографии. Правда, прикладная лексикография в Узбекистане шагнула далеко вперед. Узбекскими языковедами созданы такие капитальные труды, как пятитомный «Русско-узбекский словарь» (1950—1955), однотомные русско-узбекский (1954) и узбекско-русский (1959) словари, которые внесли много нового в практику составления национально-русских и русско-национальных словарей. Однако накопленный в этой области опыт до настоящего времени не получил должного теоретического анализа и обобщения.

Отставание лексикографической теории от практики ощущается особенно остро теперь, когда узбекские лексикографы начали разработку первого толкового словаря узбекского языка. Много затруднений вызывает нерешенность вопросов о типах словарей и границах современного узбекского языка, что необходимо для определения облика будущих словарей.

Разумеется, для лексикологов был бы идеалом полный, не ограниченный хронологическими и иными рамками словарь, называемый в лексикографии *thesaurus* (сокровищницей). Но разработка подобного словаря на современном этапе едва ли практически возможна и целесообразна. Создание его потребовало бы длительных усилий очень большого коллектива или нескольких поколений лексикографов¹. К тому же такие словари служат лишь узким научно-справочным целям.

Отдельных специалистов и определенные читательские круги интересуют исторические, этимологические словари, словари типа *glossarium*, *vocabularium*, областные, терминологические, фразеологические, словари языка писателей, синонимов и т. д. Однако широкие массы читателей нуждаются прежде всего в нормативно-справочных словарях массового типа, призванных служить насущным задачам нормализации литературного языка и повышения культуры речи. Эти словари, охватывая основное лексическое богатство современного узбекского литературного языка, должны не только объяснять значение слов и словосочетаний, но и указывать их

правильное правописание, произношение и употребление.

Исходя из этого, сотрудники Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР решили создать на первом этапе краткий нормативно-справочный словарь современного узбекского литературного языка, содержащий 50 тыс. слов². Словарь будет ориентироваться на лексику узбекского языка послеоктябрьского периода, ибо именно за советский период узбекский язык претерпел глубокие количественные и качественные изменения, достиг высокого совершенства и поднялся до уровня общенародного литературного языка узбекской социалистической нации.

Лексикографическое описание словарного богатства узбекского языка послеоктябрьского периода, выявление сложившихся в нем норм и сдвигов, происшедших в его лексике, — таковы основные задачи, стоящие при разработке указанного «Словаря».

В Институте языка и литературы АН УзССР уже проведена значительная работа по подготовке к составлению рукописей «Словаря». В соответствии со специальной «Инструкцией для выборщиков» составлена и непрерывно расширяется словарная картотека, фонды которой насчитывают теперь свыше 800 тыс. карточек. На основе богатого опыта лексикографической работы в Советском Союзе, в первую очередь русской и двуязычной русско-узбекской и узбекско-русской лексикографии, создана «Инструкция для составления «Словаря», в которой даны общие правила и приемы лексикографической обработки словарного материала, определены целевая установка «Словаря», его тип, назначение и примерный состав.

Однако практика работы над рукописями первых букв показала, что для успешного завершения «Словаря» необходимо интенсифицировать научно-исследовательскую работу в области лексикологии, семасиологии, грамматики и стилистики. Недостаточная освещенность отдельных вопросов этих отраслей языкознания отрицательно сказывается на общем уровне словарей и принципах подачи в них языковых фактов³. Например, в «Узбекско-русском словаре» (1959) допущены некоторые излишества и непоследовательность в использовании стилистических помет⁴ потому, что

² В дальнейшем — сокращенно «Словарь».

³ Подобным примером может служить различный подход к разграничению омонимов в толковых словарях русского языка. См. «Материалы дискуссии по вопросам омонимии», Лексикографический сборник, вып. IV, М., 1960, стр. 35—91.

⁴ См. рецензии А. Усманова, А. Рашидова, Г. Саламова на указанный «Узбекско-русский словарь» (Кзыл Узбекистан, 20 апреля 1960 г.; Шарк юлдузи, 1960, № 6).

¹ Идея *thesaurus* была положена в основу «Словаря церковно-славянского и русского языка» (1847) и академического «Словаря русского языка» (1891—1907). См. Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, в сб.: «Избранные произведения по языкознанию и фонетике», Л., 1958, стр. 63; С. Г. Бархударов, Русская советская лексикография за сорок лет, Вопросы языкознания, 1957, № 5, стр. 34; Ф. П. Филин, Заметки по лексикологии и лексикографии, Лексикографический сборник, вып. I, М., 1957, стр. 36.

его составители не располагали достаточными научно-разработанными критериями стилистической оценки слов и решали вопрос в каждом отдельном случае либо эмпирически, либо субъективно. Подобное положение совершенно недопустимо в толковых словарях, претендующих на нормативность.

Всемерно развивая лексикографическую теорию, необходимо уделить особое внимание вопросам частной лексикографии, которые отражают специфику узбекского языка, его грамматического строя, лексического состава, исторических условий его формирования и развития.

Узбекская лексикография в своем развитии опирается прежде всего на достижения русской лексикографической науки. Толковые словари русского языка служили и будут служить основной базой для развертывания двуязычной русско-национальной и национально-русской лексикографии в Советском Союзе. С. И. Ожегов указывает, что в настоящее время «практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка»⁵. Это — семнадцатитомный академический «Словарь современного русского литературного языка», четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и других, одностомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. Для создания их потребовалось почти шесть лет непрерывной академической работы⁶ и сто лет экспериментирования⁷. Критически используя предыдущий опыт, составители этих словарей развили лучшие традиции русской лексикографии.

Наш «Словарь», в отличие от толкового словаря русского языка, не имеет своих предшественников. Напротив, он сам должен подготовить базу для создания других словарей, в том числе большого академического словаря узбекского языка. Именно в этом заключается особая ответственность и трудности его разработки.

Большую помощь в решении проблем узбекской лексикографии оказывают исследования советских языковедов и лексикографов — Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова, А. М. Бабкина, Ф. П. Филина, А. П. Евгеньевой и других. Однако проблемы, стоящие перед составителями словарей узбекского языка, имеют свою специфику и не могут решаться механическим приложением к ним достижений русской лексикографии.

⁵ С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей русского языка, Вопросы языкознания, 1962, № 2, стр. 91—92.

⁶ А. М. Бабкин, К вопросам русской лексикологии и лексикографии, Лексикографический сборник, вып. IV, М., 1960, стр. 4.

⁷ Там же, стр. 11.

Какие же проблемы выдвигает перед лексикографами республики разрабатываемый ныне «Словарь»? Не имея возможности подробно остановиться на них, мы ограничимся здесь лишь их перечислением.

Проблема I — Основные типы словарей узбекского языка. Оптимальное число словарей различных типов, их границы обеспечивающие наиболее рациональное распределение лексики между ними. Место разрабатываемого «Словаря» среди других словарей узбекского языка.

Проблема II — Состав словника. Критерии отбора слов. Их основные и производные формы. Специфические лексические категории узбекского языка: парные слова, служебные слова и др.

Место различных пластов лексики в словаре. Традиционная книжная лексика: Устаревшие слова. Архаизмы и историзмы. Неологизмы. Диалектизмы. Разговорная лексика. Терминологическая, профессиональная лексика. Слова общелитературные и индивидуальные, критерии отбора последних.

Проблема III — Построение словарной статьи в связи с семантической, грамматической и стилистической характеристикой слова. Определение прямых и переносных, свободных и связанных, структурно (фразеологически или грамматически) обусловленных или ограниченных значений слова.

Конверсия, показ в словаре различного функционирования слова. Служебные значения знаменательных слов и их отражение в словаре. Разработка семантической структуры сложных и составных глаголов. Определение соотношения, способов и форм связи значения слов. Принципы размещения значения слова внутри словарной статьи (исторический или генетический принцип, принцип размещения значения слова по актуальности, употребительности и т. д.).

Связь лексики с грамматикой и способы ее выражения в толковом словаре. Синтаксические связи, управление глаголов и послелогов как средство разграничения смысловых различий. Система грамматических и иных помет, применяемых для характеристики слова.

Толкование значения слов в словаре. Типы толкований в зависимости от принадлежности слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду: пояснительные, отсылочные, синонимические, антонимические, энциклопедические. Типовые толкования для различных производных и тематических групп слов (названия животных, растений, химических элементов, месяцев и т. д.).

Иллюстрации в словаре как дополнительное средство, раскрывающее значение слова, показывающее его употребление и связь с другими словами. Отбор и размещение иллюстративного материала. Место речений и цитат в словарной статье; требования, предъявляемые к ним.

Проблема IV — Разграничение омонимов в словаре.

Проблема V — Отбор, размещение и толкование фразеологии и приравненных к ней единиц.

Проблема VI — Критерии стилистической оценки слова и стилистические пометы в словаре.

Проблема VII — Способы и средства передачи норм орфоэпии в толковом словаре. Роль «Словаря» в установлении и кодификации единых норм орфографии и литературного произношения.

Проблема VIII — Вопросы этимологии.

Ни одна из этих лексикографических проблем не получила еще специального изучения в трудах узбекских лингвистов, хотя наши лексикографы не раз сталкивались с этими вопросами при разработке узбекско-русских и русско-узбекских словарей.

Между тем богатый опыт, накопленный в ходе решения конкретных лексикографических задач, представляет несомненный интерес при разработке проблем толковых словарей узбекского языка. В этом отношении наиболее ценным является последний «Узбекско-русский словарь» (1959), содержащий немало элементов толкового словаря. Поэтому двуязычная лексикография, особенно узбекско-русские словари, должны явиться той материальной основой, на которой будут базироваться научные исследования самых различных проблем одноязычной узбекской лексикографии.

Однако подобных исследований пока еще мало. Можно указать лишь на статью Э. В. Севортыан⁸, в которой показаны недочеты в разработке словарных статей глаголов (преимущественно производных) в тюркско-русских словарях; диссертацию Г. Н. Михайлова⁹, косвенно за-

трагивающую проблемы составления толковых словарей узбекского языка (в связи с вопросами двуязычной лексикографии). То же самое можно сказать и о диссертационной работе К. Шарафутдиновой¹⁰.

Таким образом, научно-подготовительную работу, проведенную в Институте языка и литературы АН УзССР, можно охарактеризовать как начало больших исследований в области теории узбекской лексикографии, углубленное изучение которой позволит достичь единства и последовательности в работе над «Словарем».

В настоящее время особенно важное значение имеет тщательная отработка «Инструкции» (проекта) на основе широкого обсуждения ее. Как показал опыт создания русско-узбекских и узбекско-русских словарей, корректирование первоначального проекта в процессе работы над словарем совершенно недопустимо. При такой организации лексикографической работы даже незначительные изменения, вносимые в проект, требуют неоднократной переработки готовых рукописей, что увеличивает объем работы и удлиняет сроки издания словаря.

Из всего сказанного следует очень важный для составителей «Словаря» вывод: чтобы «Словарь» был подготовлен на должном уровне при минимальных затратах средств, сил и времени, необходимо выявить и решить связанные с ним вопросы еще до того, как практически будет начата работа по его составлению. Поэтому надо развернуть широкое обсуждение принципов составления «Словаря», в котором должны принять участие не только лексикографы, но и все языковеды республики.

С. Ф. Акабиров

⁸ Э. В. Севортыан, Некоторые вопросы тюркской лексикографии, Лексикографический сборник, вып. III, М., 1958, стр. 114—132; Узбек тили ва адабиёти масалалари, 1962, № 5.

⁹ Г. Н. Михайлов, Опыт лексикографического исследования узбекско-русских словарей, изданных в советский период, Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1961.

¹⁰ К. А. Шарафутдинова, Раскрытие значений слова в двуязычном узбекско-русском словаре, Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1963.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

XXII съезд КПСС поставил новые большие задачи перед работниками общественных наук, в том числе и перед историками. В своих исследованиях они должны отразить гигантский путь, пройденный Коммунистической партией и народом в борьбе за построение социализма и коммунизма, вскрыть закономерность этого процесса, обобщить его всемирно-исторический опыт. Историки призваны помогать партии в творческом развитии марксизма-ленинизма, подмечать новые явления, возникающие в жизни советского народа в ходе развернутого строительства коммунистического общества.

За последние годы историки Узбекистана заметно активизировали свою работу. Появилось много статей, брошюр, книг по истории гражданской войны в Узбекистане, социалистического строительства и ряду других вопросов, а также по истории дореволюционного Узбекистана.

Каждое новое исследование, естественно, вызывает живой интерес научной общественности, и долг нашей печати состоит в том, чтобы своевременно откликнуться на выходящую книгу, давать ей объективную оценку и тем самым помогать читателю правильно разобраться в достоинствах и недостатках данной работы.

Немалую роль в этом деле должен играть и журнал «Общественные науки в Узбекистане». Надо сказать, что публикуемые в журнале рецензии¹ на важнейшие работы по истории Узбекистана советского и дореволюционного периода в основном отвечают требованиям научного рецензирования.

В седьмом номере журнала за 1962 г. помещена содержательная и интересная рецензия Л. М. Ланда на книгу Б. М. Брусилковского «Ташкент — Иваново», вышедшую в 1961 г. в Ивановском книжном издательстве. По мнению рецензента, главное достоинство книги состоит в том, что она заостряет внимание читателя на одном

из могучих факторов расцвета советских наций — ленинской дружбе народов СССР, их братском сотрудничестве в строительстве социализма и коммунизма. Книга Б. М. Брусилковского рассказывает не только о социалистическом соревновании, но и о некоторых признаках формирования единого советского народа, о неуклонном сближении социалистических наций в ходе коммунистического строительства. Автор рецензии приходит к правильному выводу о том, что сейчас настало время для фундаментального исследования этой проблемы на конкретно-историческом материале взаимоотношений узбекской социалистической нации со всеми братскими народами СССР.

Монографии М. Х. Назарова «Туркестан в период интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)» посвящена обстоятельная рецензия Г. Хидоятова и Р. Нуруллина в девятом номере журнала за 1962 г. В рецензии детально разбираются основные положения книги, в которой с достаточной полнотой показана руководящая роль Коммунистической партии Туркестана — боевого отряда славной ленинской партии коммунистов — в разгроме объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции в Туркестане. По-новому освещен в работе вопрос об оценке деятельности Мусбюро КПТ, пересмотрены имеющиеся в литературе неправильные взгляды на этот счет, в частности и те, которых некогда придерживался сам автор книги. В рецензии содержится ряд принципиальных замечаний. Так, в некоторых местах книги чувствуется влияние культа личности, выразившееся в преувеличении автором значения произведений Сталина и его роли в разгроме контрреволюции. Ошибочно освещены в книге причины, побудившие английских интервентов вступить в Закаспий. Вместе с тем рецензенты считают, что труд М. Х. Назарова является полезным вкладом в разработку сложных вопросов истории гражданской войны в Узбекистане.

Истории гражданской войны посвящена и работа И. С. Сологубова «Иностранцы

¹ Нами просмотрены рецензии, помещенные в журнале в период после XXII съезда партии (до начала 1964 г.),

коммунисты в Туркестане (1918—1921 гг.)», которую рецензируют в десятом номере журнала за 1962 г. А. Хамидходжаев и Р. Аренберг, Отмечая, что книга в целом оставляет у читателя хорошее впечатление, рецензенты одновременно указывают на содержащиеся в ней погрешности и недостатки. Нам кажется, что рецензия намного выиграла бы, если бы в ней подробно были освещены все разделы книги, тем более, что она с интересом встречена за рубежом, в частности, в Венгрии и Чехословакии.

В двенадцатом номере журнала за 1962 г. помещена рецензия И. Низамутдинова на монографию У. Б. Ахмедова «Узбекларнинг келиб чиқиш тарихидан (XV асрда кучманчи узбеклар давлати)», освещающую некоторые вопросы образования государства кочевых узбеков в XV в. В глубоко аргументированной рецензии И. Низамутдинов сделал ряд критических замечаний в адрес автора, указывая, что, хотя книга называется «Из истории происхождения узбеков», в ней уделено очень мало внимания этногенезу узбекского народа. Рецензент высказывает пожелание, чтобы автор продолжил работу над исследованием и создал более фундаментальный труд, посвященный этому важному этапу в истории узбекского и других народов Средней Азии.

В первом номере журнала за 1963 г. помещена рецензия Х. Зияева на книгу Н. А. Халфина «Политика России в Средней Азии». К сожалению, автор рецензии, давая высокую оценку монографии, не указывает, что нового вносит работа Н. А. Халфина в исследование отношений России и Средней Азии накануне присоединения по сравнению с другими работами на эту тему.

В девятом номере журнала за 1963 г. Х. Иноятов рецензирует книгу А. Водолазского «К истории борьбы В. И. Ленина за коллективность партийного руководства». Положительно оценивая труд А. Водолазского, автор рецензии вместе с тем справедливо указывает на имеющиеся в книге серьезные недостатки и неточности. Так, в ней слабо раскрыто значение перехода от кружков к партийным комитетам, недостаточно обобщен опыт коллективного руководства местных парторганизаций в период борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. По мнению рецензента, книга

была бы более содержательной и отвечала задачам сети партийного просвещения, если бы в ней больше говорилось о деятельности большевистских организаций Туркестана и Узбекистана.

На наш взгляд, журнал делает весьма полезное дело, помещая в конце года библиографические указатели литературы по археологии, истории, этнографии и праву Узбекистана. Хочется только пожелать, чтобы в будущем составитель указателя группировал названия работ не в алфавитном порядке, а, скажем, по периодам исследования, например, по истории до-революционного периода, истории победы Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и интервенции и т. д.

Хотя журнал «Общественные науки в Узбекистане» после XXII съезда КПСС несколько усилил внимание к рецензированию работ по истории Узбекистана, необходимо, чтобы рецензии в журнале печатались чаще и охватывали большее число книг. Обращает на себя внимание и тот факт, что из историко-партийной литературы рецензирована лишь одна монография. К сожалению, из поля зрения журнала выпали такие крупные работы, как книга М. Г. Вахабова «Формирование узбекской социалистической нации», книга Х. Т. Турсунова «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» и др. Кроме того, после XXII съезда партии вышел ряд сборников документов, например «Победа Октябрьской революции в Узбекистане», «За Советский Туркестан» и т. д.

Журнал «Общественные науки в Узбекистане», как нам кажется, лучше выполнял бы свою роль, если бы он чаще привлекал к написанию рецензий известных специалистов-историков и если бы книги рецензировались вскоре после их выхода в свет.

Как мы уже отмечали, рецензии, опубликованные в просмотренных нами номерах журнала, написаны в целом квалифицированно, на должном научном уровне. Однако хочется пожелать, чтобы рецензии писались более ярким языком, в живой и интересной форме, а не по раз установленной схеме.

Желательно также, чтобы в журнале периодически публиковались обзоры статей, посвященных тем или иным вопросам истории Узбекистана.

С. Татыбаев

ОБ УЧЕБНИКЕ «ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ»

В период развернутого строительства коммунизма неизмеримо возрастает значение марксистско-ленинской идеологии и ее влияние на развитие общества. Исходя из решений XXII съезда КПСС, июньский (1963) Пленум ЦК КПСС определил основные направления в идеологической ра-

боте, отвечающие современному этапу строительства коммунизма в нашей стране и классовой борьбе на международной арене.

Эти направления, как известно, заключаются в формировании коммунистического мировоззрения трудящихся, трудовом вос-

питания активных и сознательных строителей коммунизма, преодолении пережитков прошлого в сознании и поведении советских людей, повышении образованности и культуре народа, воспитании его в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, решительной борьбе против антикоммунизма и всех форм буржуазной идеологии.

Особое внимание партия уделяла и уделяет вопросу дальнейшего улучшения воспитания советской молодежи. Этим целям служит и изучение курса «Обществоведение», введенного по решению XXII съезда КПСС в программу всех выпускных классов средней школы и старших курсов средних специальных учебных заведений.

Изучение основ общественных наук необходимо учащимся для того, чтобы молодое поколение могло яснее представить себе, какие цели ставит перед собой наша страна, каким будет коммунизм, что нужно сделать для его построения. Курс обществоведения призван также помочь учащимся лучше разобраться в международном обстановке, во внутренней и внешней политике Советского государства.

Новый курс рассказывает юношам и девушкам, вступающим в жизнь, как организовано и планируется социалистическое производство, что такое хозрасчет и себестоимость продукции, как устроено и управляется наше государство, каковы права и обязанности советских граждан и т. п.

Эта дисциплина связывает воедино все знания, полученные в школе, помогает молодежи обрести политическую зрелость, выработать в себе принципиальность, стойкость и мужество в борьбе с трудностями, т. е. те качества, без которых нельзя быть активными строителями коммунистического общества.

Изданный в 1963 г. учебник «Обществоведение»¹ вполне отвечает выдвинутым требованиям. Он дает систематизированное представление о трех составных частях марксизма-ленинизма — основах философии, политической экономии и теории научного коммунизма. В нем освещаются также вопросы Конституции СССР, закономерности перерастания социализма в коммунизм, показаны ведущая и организующая роль Коммунистической партии Советского Союза, успехи и достижения мировой системы социализма. Основной материал учебника подкрепляется понятными, взятыми из жизни примерами, связанными с задачами сегодняшнего дня.

¹ Обществоведение. Учебник для выпускного класса средней школы и средних специальных учебных заведений. Учебник подготовлен Г. Х. Шахназаровым (руководитель), А. Д. Боборыкиным, Ю. А. Крайним, А. М. Лушиковым, О. Н. Писаржевским, В. В. Суходеевым, М., Госполитиздат, 1963, 384 стр.

Вместе с тем в рецензируемой книге, на наш взгляд, имеются отдельные недостатки, которые следует устранить при последующих переизданиях учебника.

Так, в первом разделе, излагающем начала марксистско-ленинской философии, следует полнее осветить некоторые вопросы диалектики, используя больше конкретных примеров. Нам представляется также необходимым изложить в популярной форме учение А. Эйнштейна, что расширило бы представления учащихся о природе и Вселенной.

Рассматривая закон диалектики о переходе количественных изменений в качественные, авторы иллюстрируют его «классическими» гегелевскими примерами перехода льда в воду и воды в пар. Данный пример, имеющий двухсотлетнюю давность, неудачен потому, что он показывает процесс простого изменения качества, а не процесс направленного изменения от низшего к высшему, к более высокой форме организации вещества. Этот пример может вызвать неправильное представление о том, что всякое изменение и движение есть развитие, тогда как законы диалектики действуют там, где происходит развитие от низшего к высшему, от простого к сложному, прогрессивному.

Для иллюстрации перехода количественных изменений в качественные надо было подробнее и глубже осветить вопрос о нарастании классовой борьбы и социальных революциях (этому примеру учебник уделит три строки, а гегелевскому примеру с водой — двадцать три), хотя вопросам классовой борьбы авторы посвящают отдельные параграфы.

Во второй главе учебника, где излагается учение о развитии общества, имеется утверждение, что «труд — единственный источник всех богатств, которыми располагает человечество» (стр. 43). Это положение следовало бы дополнить указанием на то, что процесс труда представляет взаимодействие между обществом и природой, а природа — первоисточник всех средств и предметов труда.

При характеристике производительных сил необходимо было подчеркнуть, что первым главным их элементом являются люди, трудящиеся, а вторым важнейшим элементом производительных сил служат орудия труда.

По нашему мнению, параграфы учебника, в которых учащиеся знакомятся с основными категориями политической экономии (производственные отношения, прибыль, капитал, закон стоимости), изложены несколько абстрактно и довольно трудно для усвоения. В следующих изданиях учебника на этом материале надо будет остановиться более подробно, сделать его понятным и доступным для каждого учащегося. В частности, для большей наглядности целесообразно дать развернутую

схему взаимодействия производительных сил и производственных отношений, база и надстройки. Было бы также весьма полезно, если бы раздел о политической экономии капитализма содержал конкретные исторические примеры, а характеристика империализма подкреплялась новейшими данными. Следовало бы также шире показать современный этап классовой борьбы и усиление роли мирового коммунистического и рабочего движения.

Во втором разделе учебника, посвященном характеристике социалистического общества и переходу его в коммунистическое общество, надо расширить параграфы, рассказывающие об экономике и развитии сельского хозяйства в связи с его механизацией, электрификацией, химизацией в соответствии с последними решениями партии и правительства.

На наш взгляд, учебник намного вы-

играл бы, если бы к тексту были приложены различные схемы и диаграммы, иллюстрирующие развитие экономики и культуры СССР, а также список рекомендуемой литературы (в том числе художественной) для более углубленного изучения отдельных разделов учебника.

Мы считаем также, что для лучшего усвоения учащимися курса «Обществоведение» Министерству просвещения следует подготовить и издать некоторые наглядные пособия по материалам учебника.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы кафедры общественных наук вузов республики организовали у себя постоянные консультации по философии, политической экономии и конкретной экономике для преподавателей, читающих курс «Обществоведение» в школах и средних специальных учебных заведениях Узбекистана.

*Ю. И. Исхаков, А. П. Соболева,
Т. Н. Солдатова, Н. А. Гольдфельд*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В МОСКВЕ

13—18 апреля 1964 г. в Москве состоялось обсуждение рукописи IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (1917—1936 гг.), организованное Научным Советом по проблеме «История исторической науки в СССР». В обсуждении приняли участие более 200 представителей научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ташкента, Тбилиси и других научных центров страны.

Сессию открыла академик М. В. Нечкина, которая в своем вступительном слове подробно остановилась на структуре и содержании IV тома «Очерков».

Затем участники обсуждения заслушали краткие сообщения членов редколлегии о принципах построения и тематике основных разделов тома: «В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки» (Е. Н. Городецкий); «Завершение кризиса буржуазной историографии» (Л. В. Черепнин); «Историография советского периода» (И. Б. Берхин); «Дореволюционная история России в советской историографии» (А. М. Станиславская); «Изучение всеобщей истории в 1917—1936 гг.» (Б. Г. Вебер).

Сессия прошла в исключительно деловой обстановке. В ходе обсуждения рукописи IV тома выступило 16 человек, в том числе 2 представителя Узбекистана. Все они единодушно подчеркнули важное значение IV тома «Очерков» как первого опыта обобщения итогов развития советской исторической науки. Были отмечены также практическая ценность подготовленного труда для методологического вооружения преподавателей исторических факультетов нашей страны и историков стран социалистического лагеря, большое внимание авторов тома к теоретическим и методологическим проблемам науки, исследовательский характер отдельных глав и подразделов (например, главы о ленинском наследстве, об освещении русского революционного движения XIX в. в советской историографии).

Вместе с тем все выступления были проинкнуты высокой требовательностью и глу-

бокой заинтересованностью историков в устранении имеющихся в томе недостатков. Справедливо было отмечено слабое освещение роли партии в определении методологической направленности советской исторической науки, а также отсутствие введения и заключения, где надо было сформулировать основные закономерности советской исторической науки, ее специфику, общие успехи и недостатки.

Многие участники дискуссии высказались за более четкий показ заслуг М. Н. Покровского, как страстного публициста, одного из организаторов советской исторической науки. Было предложено уделить больше внимания теоретическим взглядам М. Н. Покровского, преодолению в его научном творчестве махистских установок, некоторого нигилизма в подходе к историографии народов СССР.

Значительное место в дискуссии занял вопрос об историографии народов СССР, которой будет посвящен отдельный том «Очерков». М. В. Нечкина подчеркнула важность этого тома, призванного осветить историографию народов СССР как одну из основных проблем, впервые поставленных и решенных советской исторической наукой.

Для усиления и координации историографической работы в республиках Средней Азии и Казахстане создана среднеазиатская секция Научного Совета по проблеме «История исторической науки в СССР».

Осенью 1964 г. решено провести сессию Научного Совета в Тбилиси, где акад. М. В. Нечкина выступит с докладом «О некоторых основных вопросах создания историографии народов СССР». На этой сессии будут также обсуждены подготовленные главы по историографии республик Закавказья. Аналогичную сессию для обсуждения глав по историографии республик Средней Азии и Казахстана намечено провести в Ташкенте в начале 1965 г.

Научный Совет по истории исторической науки обратился с призывом к историкам национальных республик создать к 50-летию Великого Октября обобщающие рабо-

ты о развитии советской исторической науки на местах, всесторонне показать итоги научных исследований, преподавания истории и популяризации исторических знаний, раскрыть общественные функции исторической науки на современном этапе развернутого строительства коммунизма.

Московская историографическая сессия будет несомненно способствовать дальнейшему развитию историографической работы в центре и на местах, в том числе в Узбекистане, активизации усилий наших специалистов в разработке актуальных проблем советской историографии.

Л. М. Ланда

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ АН УЗССР, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-ЛЕТИЮ УЗБЕКСКОЙ ССР И КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА

С 11 по 18 апреля 1964 г. проходила очередная XIII конференция молодых ученых и аспирантов АН УзССР. В этом году она была посвящена славному юбилею — 40-летию образования Узбекской ССР и Компартии Узбекистана.

Конференцию открыл вице-президент АН УзССР И. М. Муминов, который в своем вступительном слове уделил главное внимание задачам, стоящим перед молодыми учеными в свете постановлений июньского, декабрьского (1963) и февральского (1964) Пленумов ЦК КПСС.

На пленарном заседании с докладом «Основные задачи молодых ученых в области химизации народного хозяйства и интенсификации сельскохозяйственного производства» выступил член-корр. АН УзССР Я. Х. Туракулов. Затем участники конференции прослушали доклад заведующего лабораторией вычислительной техники Х. Х. Ходжиярова «Кибернетика и жизнь». Дальнейшая работа конференции проводилась в 35 секциях, в которых с докладами и сообщениями выступили 547 человек, в том числе 19 кандидатов наук, 348 младших научных сотрудников, 135 аспирантов, 26 инженеров и др.

Весьма оживленно, на должном научном и идейно-теоретическом уровне проходила работа восьми секций Отделения общественных наук. Здесь было заслушано 110 докладов и научных сообщений, посвященных главным образом актуальным проблемам истории, экономики и культуры Советского Узбекистана.

В докладах молодых ученых на экономической секции освещались многие важные вопросы экономической науки, связанные с усовершенствованием планирования и развития ряда отраслей народного хозяйства Узбекистана, применением математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании. Наиболее интересные доклады сделали А. Кучкаров — «Применение метода линейного программирования при решении сельскохозяйственных задач», Х. Ахмедов — «К вопросу о методике исчисления валового дохода колхозов (на примере колхозов Узбекской ССР)», Е. Избасханов — «Экономическое районирование Каракалпакии», У. Матрузиев — «Фонды общественного потребления колхозов и их использование».

Доклады молодых философов были по-

священы проблемам коммунистического строительства, категориям марксистско-ленинской этики и эстетики, вопросам атеизма, проблемам коммунистического воспитания, философским вопросам кибернетики, критике буржуазной философии и социологии. Лучшими были признаны доклады: Т. Сиддикова — «Категория долга в марксистско-ленинской этике», Д. Алиевой — «К вопросу о роли и сущности традиций в общественном развитии (в плане критики концепции индустриализма)», С. Маджидова — «О соотношении кибернетики и философии», А. Шарипова — «Критика буржуазной фальсификации наследия Вируня».

На секции права было заслушано 9 докладов. Среди них следует отметить выступления К. Назарова — «Некоторые вопросы повышения роли местных Советов в обеспечении социалистической законности», И. Х. Хахимова — «Субъективная сторона хищения путем присвоения и растраты» и Ш. Шарахметова — «Роль избрательского права в интенсификации сельского хозяйства».

Из докладов, прочитанных на секции истории, археологии и востоковедения, заслуживают особого внимания доклад Х. Исмаилова — «К вопросу о сближении наций» и А. Акрамова — «К вопросу текстологического изучения анонимного сочинения «Гарих-и гузиде Нусрат-наме» («Избранные истории книги побед»).

На секции узбекской литературы было заслушано 14 докладов, из них лучшими признаны доклады Т. Ахмедова — «Отношение Алишера Навои к поэме Хаджи Кермани «Гавхар-наме», Г. М. Муминова — «О некоторых особенностях поэзии Хамзы Хаким-заде Ниязи», Ш. Турдыева — «Из истории формирования рассказа в узбекской литературе», Ф. Ганиходжаева — «Варианты поэмы «Вамык и Азра».

На секции узбекского языкознания хорошие доклады сделали А. Ишаев — «Из лексики узбекских говоров Каракалпакии», Д. П. Абдурахманов — «Из опыта изучения топонимики», А. Ахмедов — «Особенности вопросительного предложения в современном узбекском языке», Т. Аликулова — «Многозначность существительных», Э. А. Бегматова — «Лексико-семантические особенности ономастики узбекского языка».

На заседаниях секции русской литературы

ры с интересными докладами выступили Т. Лобанова — «Роман «Чингиз-хан» В. Яна и работа писателя над источниками», З. Умарбекова — «Аскад Мухтар — переводчик Лермонтова» и др.

Многие доклады отличались самостоятельностью, смелыми теоретическими выводами и обобщениями. Конференция показа-

ла, что в институтах Академии наук растет молодое поколение ученых, способных вести серьезные научные исследования.

Президиум АН УзССР, подводя итоги конференции, принял решение премировать лучшие доклады и опубликовать их на страницах периодической печати и в специальных сборниках.

Ф. Султанова

О НАУЧНОЙ РАБОТЕ В ТАШКЕНТСКОЙ ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ

Исторические решения XXII съезда партии, Программа КПСС и последующие решения Коммунистической партии по идеологическим вопросам поставили новые грандиозные задачи перед всеми работниками идеологического фронта, в том числе перед работниками партийных и советских органов.

Чтобы успешно руководить массами, наши партийные и советские кадры должны настойчиво овладевать марксистско-ленинской теорией, изучать и обобщать богатейший опыт коммунистического строительства. Этой важнейшей задаче подчинена вся деятельность Ташкентской партийной школы, подготовившей за годы своего существования многочисленный отряд партийных и советских работников для Узбекистана и других республик Средней Азии.

Подготовка теоретически грамотных и политически зрелых руководящих кадров может быть успешной лишь в том случае, если преподавательский состав сам будет находиться на уровне современных высоких требований. В этой связи особое значение для преподавателей школы имеет научно-исследовательская работа, которая ведется в основном в следующих направлениях: разработка учебно-методических вопросов, теоретические исследования отдельных проблем, научные доклады и сообщения, работа над докторскими и кандидатскими диссертациями.

В ТВПШ систематически проводятся Совет школы, межфакультетские заседания, где обсуждаются планы научно-исследовательских работ, отдельные теоретические вопросы, координируется изучение смежных тем и т. д.

Особое внимание уделяется теоретическим конференциям, в которых принимают участие представители научных учреждений не только Узбекистана, но и республик Средней Азии и Казахстана. Например, в 1963 г. проходила теоретическая конференция, посвященная 20-летию разгрома немецко-фашистских войск в битве на Волге. На конференции выступили с докладами преподаватели и слушатели партийной школы, научные сотрудники Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, преподаватели Душанбинского педагогического института, Академии наук Туркменской ССР, Ташкентского государственного университета.

Подобные конференции были организова-

ны также в связи с 40-летием образования СССР, 60-летием Второго съезда РСДРП и т. д.

Кроме того, ведущие преподаватели школы — доктора наук К. Е. Житов, М. Г. Вахабов, Н. Г. Сапильников, кандидаты наук И. Н. Тогоев, Д. М. Бабаев и другие нередко выступали с докладами и научными сообщениями на республиканских, межреспубликанских и всесоюзных конференциях, состоявшихся в различных городах страны.

В школе установилась также хорошая традиция ежегодно проводить производственно-экономические конференции преподавателей и слушателей по обобщению опыта внедрения хозяйственного расчета на промышленных предприятиях Ташкента и в хлопководящих колхозах и совхозах Ташкентской области. Так, в 1963 г. на конференции были заслушаны доклады и сообщения на следующие темы: «Производительность труда и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства в увеличении производства сельскохозяйственных культур», «Хозрасчет и производительность труда в звеньях комплексной механизации хлопководства», «Опыт внедрения хозяйственного расчета в бригадах колхоза «Полярная звезда» и др. Такие конференции являются весьма эффективным методом повышения теоретических и практических знаний у слушателей и преподавателей школы.

Важным моментом в научной деятельности преподавательского состава ТВПШ является работа над докторскими и кандидатскими диссертациями. Так, кандидаты наук Д. М. Бабаев, А. Н. Малицкий, И. Н. Тогоев, Т. Эрнazarов готовят докторские диссертации, посвященные отдельным вопросам марксистско-ленинской философии, политической экономии, партийно-советской печати и т. п.

Старшие преподаватели Д. И. Косолапов и Т. Г. Мазитов успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидатов наук, а ряд преподавателей пишут кандидатские диссертации по проблемам марксистско-ленинской теории, хозяйственного, партийного и культурного строительства в Узбекистане.

В настоящее время группа преподавателей работает над монографией «Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии».

Многие преподаватели школы систематически выступают на страницах местной и республиканской печати — в журналах «Коммунист Узбекистана», «Народное хозяйство Средней Азии», «Партийная жизнь», «Общественные науки в Узбекистане» и др. Вместе с тем наш профессорско-преподавательский состав активно участвует в распространении политических и научных знаний в массах, пропаганде решений XXII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС.

Отдельными преподавателями школы написаны популярные брошюры на такие темы, как «Роль социалистического сознания

в строительстве коммунизма», «Самый высокий жизненный уровень», «Роль русских ученых в развитии сельского хозяйства Туркестана», «Резервы повышения производительности труда в хлопководстве» и др.

В настоящее время преподаватели и слушатели школы активно готовятся к празднованию 40-летия Узбекской ССР и Компартии Узбекистана, которое наш коллектив встречает новыми успехами в научно-исследовательской работе и подготовке квалифицированных партийно-советских кадров.

Д. А. Раджабов

ЗАЩИТА ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

24 марта 1964 г. на заседании Ученого совета Института философии АН СССР состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Института философии и права АН УзССР Р. Х. Абдушукуровым на тему: «Октябрьская революция, расцвет узбекской социалистической нации и ее сближение с нациями Советского Союза».

Официальными оппонентами диссертанта были акад. М. Б. Митин, доктор филос. наук В. Ф. Берестнев, доктор ист. наук А. Х. Бабаходжаев. Во время защиты выступили также видные советские философы — профессора Ц. А. Степанян, В. В. Николаев, Б. С. Маньковский и другие. Письменные отзывы на монографию Р. Х. Абдушукурова поступили от члена-корр. АН СССР М. Д. Каммари, акад. АН ТаджССР А. М. Богоутдинова, акад. АН КирССР А. А. Алтышбаева, акад. АН ТуркмССР Г. А. Чарыева, акад. АН УзССР И. К. Додонова и т. д.

Все выступавшие подчеркивали научную ценность монографии Р. Х. Абдушукурова, представляющей собой плод многолетней исследовательской работы автора и основанной на огромном фактическом материале.

В книге на примере узбекской социалистической нации дается развернутая картина исторического пути, пройденного социалистическими нациями СССР за годы Советской власти, и рассматривается содержание нового этапа развития национальных отношений в нашей стране в период развернутого строительства коммунизма.

Как отметил акад. М. Б. Митин, в монографии Р. Х. Абдушукурова интересно сопоставляется вопрос о двух исторических тенденциях в развитии наций при капитализме и двух тенденциях в развитии наций и национальных взаимоотношений в условиях социализма. Автор раскрывает содержание ленинской точки зрения по этому вопросу и показывает коренные отличия и особенности развития наций при социа-

лизме. Вся работа диссертанта, заявил акад. М. Б. Митин, написана в духе ленинской партийности.

Вместе с тем в выступлениях и отзывах на монографию диссертанта отмечались имеющиеся в ней недостатки и спорные моменты. Так, автор не уделяет должного внимания изменению формы национальной культуры в Узбекистане в условиях социализма и развернутого коммунистического строительства. Иногда при чтении книги теряется ее философско-социологический характер, богатый фактический материал как бы подавляет те теоретические, социологические и философские выводы, которые можно было дать гораздо шире, чем это сделано диссертантом.

Ряд товарищей выразили свое несогласие с тоном критики Р. Х. Абдушукурова в адрес некоторых авторов по отдельным спорным проблемам.

Но общее мнение сводилось к тому, что монография Р. Х. Абдушукурова отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Ученый совет Института философии АН СССР присудил Р. Х. Абдушукурову степень доктора философских наук.

* * *

7 апреля 1964 г. на заседании Объединенного ученого совета Отделения общественных наук АН УзССР проходила защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук старшим научным сотрудником Института востоковедения АН УзССР М. А. Абдураимовым на тему: «Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века».

Официальными оппонентами диссертанта были член-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямов, доктор ист. наук Х. Ш. Иноятов, доктор экон. наук А. М. Аминов. Письменные отзывы на диссертацию представили акад.

АН ТуркмССР М. Е. Массон, доктор филол. наук А. К. Арендс, проф. И. И. Умняков, доктор ист. наук А. Л. Троицкая, академик Польской академии наук А. Зайончковский и др. Во время защиты выступил известный советский востоковед проф. И. П. Петрушевский, давший высокую оценку диссертации М. А. Абдураимова.

Исследование М. А. Абдураимова, написанное на основе использования многочисленных источников (письменных, археологических, этнографических и проч.), охватывает широкий круг вопросов, главными из которых являются аграрные отношения, формы и категории феодального землевладения и феодальной ренты, водопользование и состояние земледелия, а также положение крестьянских масс и классовая борьба в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX в., — все то, что составляет основу экономической и социально-политической истории феодальных государств.

Большой интерес вызывают выводы автора о феодальном землепользовании в эпоху позднего средневековья; данная им

классификация и характеристика феодальных институтов; введение в научный обиход большого количества нарративных и документальных источников и т. д.

Особого внимания заслуживают главы и разделы, посвященные производительным силам Средней Азии в рассматриваемый период, состоянию сельского хозяйства, ирригации, агротехники, характеристике севооборотов, номенклатуры и размещения сельскохозяйственных культур, а также разбору сельскохозяйственных терминов и лексического значения отдельных слов. Изучение богатого многовекового опыта ведения орошаемого земледелия в Средней Азии имеет не только историко-познавательное, но и практическое значение, и это повышает ценность исследования М. А. Абдураимова.

Объединенный ученый совет Отделения общественных наук АН УзССР признал работу М. А. Абдураимова достойной присвоения ему ученой степени доктора исторических наук.

М. Баратов, Р. Хаценко

МУНДАРИЖА

Г. Р. Ризаев. Ўзбекистонда Совет ҳокимияти йилларида ирригация қурили- шининг ривожланиши (Ўзбекистон ССР ва Ўзбекистон Компартия- сининг 40 йиллиги олдидан)	5
М. Ҳ. Ҳакимов. Ҳозирги даврда миллий совет давлатчилиги ривожлани- шидаги айрим масалалар ҳақида	12
И. Искандаров. Урта Осиё иқтисодий райони хўжалигида Ўзбекистон енгил саноатини ривожлантиришнинг асосий йўллари ҳақида	22
Ҳ. Аҳмедов. Колхозларда ялпи даромадни ҳисоблаш методикаси ҳақида	29
А. Новодворский. Ўзбекистон Марказий Контроль комиссияси — Ишчи- Деҳқон инспекциясининг фаолияти тарихидан	35
М. М. Кутина. СССР ва бошқа социалистик мамлакатларнинг Ҳиндистон саноатини ривожлантиришдаги ёрдами	41

Илмий ахборот

Ҳ. Азизов. Ўзбекистон қишлоқ хўжалигидаги техника революцияси тарихидан.	47
Г. А. Пугаченкова. Шимолий Парфия ва Шимолий Бактрия санъати масаласига доир	51
С. Ф. Ақобиров. Ўзбек тили изоҳли луғатини яратишнинг баъзи масалалари.	53

Танқид ва библиография

С. Татибоев. Журналхонларнинг мулоҳазалари	57
Ю. И. Исҳоқов, А. П. Соболева, Т. Н. Солдатова, Н. А. Гольд- фельд. «Жамиятшунослик» дарслиги ҳақида	58

Илмий ҳаёт хроникаси

Л. М. Ланда. Москвада совет историографияси масалаларининг муҳокамаси.	61
Ф. Султонова. Ўзбекистон Фанлар академияси ёш олимларининг Ўзбекистон Компартиясининг 40 йиллигига бағишланган конференцияси	62
Д. А. Ражабов. Тошкент олий партия мактабининг илмий ишлари ҳақида.	63
М. Баратов, Р. Хашченко. Докторлик диссертацияларини ёқлаш	64

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Р. Рызаев. Развитие ирригационного строительства в Узбекистане за годы Советской власти (К 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана)	5
М. Х. Хакимов. О некоторых вопросах развития национальной советской государственности в современный период	12
И. Искандеров. Об основных направлениях развития легкой промышленности Узбекистана в хозяйстве Среднеазиатского экономического района	22
Х. Ахмедов. О методике исчисления валового дохода в колхозах	29
А. Новодворский. Из истории деятельности ЦКК — РКИ Узбекистана	35
М. М. Кутина. Помощь СССР и других стран социализма в промышленном развитии Индии	41

Научные сообщения

Х. Азимов. Из истории технической революции в сельском хозяйстве Узбекистана	47
Г. А. Пугаченкова. К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии	51
С. Ф. Акабиров. Некоторые вопросы разработки толкового словаря узбекского языка	53

Критика и библиография

С. Татыбаев. Заметки читателя	57
Ю. И. Исхаков, А. П. Соболева, Т. Н. Солдатова, Н. А. Гольдфельд. Об учебнике «Обществоведение»	58

Хроника научной жизни

Л. М. Ланда. Обсуждение вопросов советской историографии в Москве	61
Ф. Султанова. Конференция молодых ученых АН УзССР, посвященная 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана	62
Д. А. Раджабов. О научной работе в Ташкентской высшей партийной школе.	63
М. Баратов, Р. Хашенко. Защита докторских диссертаций	64

Технический редактор *Э. П. Горьковая*

Р00309. Сдано в набор 24/V-64 г. Подписано к печати 23/VI-64 г. Формат 70×108^{1/16}=
2,125 бум. л. Печ. л. 5,82. Уч. изд. л. 5,8. Изд. № 1195. Тираж 1290 Цена 40 к.

Типография Изд-ва „Наука“ УзССР, Хорезмская, 9. Заказ 699.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

Цена 40 к.

Индекс
75349